

ДЖОАННА СТИНГРЕЙ, МЭДИСОН СТИНГРЕЙ
JOANNA STINGRAY & MADISON STINGRAY

СТИНГРЕЙ В Стране Чудес

Stingray
in
Wonderland

Персона (АСТ)

Джоанна Стингрей
Стингрей в Стране Чудес

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Стингрей Д.

Стингрей в Стране Чудес / Д. Стингрей — «Издательство АСТ»,
2019 — (Персона (АСТ))

ISBN 978-5-17-113356-6

Американская певица и музыкант, роковая леди Джоанна Стингрей приехала в Ленинград в начале 80-х годов XX века, десять с лишним лет ее жизнь неразрывно была связана с СССР, с миром советского андеграунда. Она открыла западу мир русского рока. Как живые, встают со страниц книги Борис Гребенщиков и Виктор Цой, Юрий Каспарян и Сергей Курёхин, Костя Кинчев и Тимур Новиков, Африка и Коля Васин, Дэвид Боуи и Энди Уорхол и многие-многие другие герои сказочной Страны Чудес. Спустя тридцать лет Джоанна решила вернуться к этому периоду своей биографии и рассказать обо всех перипетиях своих приключений, взгляд ее – взгляд изнутри, взгляд не только свидетеля, но и непосредственного участника многих событий, которым было суждено стать историей. «Эту книгу я писала с огромной любовью. Возможность оживить воспоминания и погрузиться в волшебный мир первых лет моей ленинградской жизни – чудесный дар, который переполнил мне сердце и согрел душу. Никто из нас не мог тогда знать, что мы – часть уникального периода художественной жизни, интерес к которому будет жить и спустя десятилетия.» Джоанна Стингрей

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-113356-6

© Стингрей Д., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Благодарности	7
Особая благодарность	8
Предисловие переводчика	9
Введение.	11
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	44
Глава 7	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Джоанна Стингрей, Мэдисон Стингрей Стингрей в Стране Чудес

Оригинальное название *Stingray in Wonderland*

Перевод с английского – Александр Кан

Издательство благодарит Джоанну Стингрей за предоставленные фотографии из личного архива.

© J Stingray Inc., 2019. Translated by Alex Kan

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2019

Благодарности

Я навсегда остаюсь безмерно благодарна Борису Гребенщикову – за то, что он помог мне стать тем, кем я стала, и в наивной молодости дал мне цель жизни. Мне несказанно повезло оказаться у него под крылом, его тепло питало и питает мою собственную работу и мою любовь.

Виктору Цою, самому настоящему другу, подарившему мне дружбу, о которой каждый из нас может только мечтать. Его честность, его смех, его доброта навсегда остаются со мной, а крылья его навсегда обнимают солнце над Санкт-Петербургом.

Сергею Курёхину – моему «Капитану», моему «Папе», который вдохновил меня на жизнь с огнем в крови и с желанием крушить барьеры. Он научил меня не бояться Вселенной и нисходящих на нас из нее огромных мечтаний.

Всем моим культурным TOVARISHEES. Спасибо вам за то, что вы открыли для меня настоящую свободу и наполнили мое сердце и мою душу самыми величественными красками. Вы окружили меня радостью, творчеством и любовью, которые и по сей день переполняют и вдохновляют меня. МИР И РОК-Н-РОЛЛ!!!

Особая благодарность

Люди, которым я хочу выразить особую благодарность:

Мэдисон Стингрей, занимающая главное место в моем сердце. За то, что сумела вернуть мою историю к жизни.

Джоан и Фред Николас – маяки, освещавшие путь в самые темные дни и помогавшие мне прокладывать дорогу жизни через океан и два континента. Без них эта история не смогла бы случиться.

Джуди Филдс, автор огромного количества фотографий и видеозаписей, запечатлевших нашу память и чудесные мгновения, свидетелями и участниками которых нам довелось стать. Твоя преданность и твоя убежденность в долгие зимние вечера и жаркие летние дни придавали мне мужество и отвагу делать то, что мы делаем, и свободу делиться этим с другими.

Алекс Кан, единственный человек, которому я могла доверить перевод на русский язык своей истории, всех ее ярчайших, бесконечно подвижных частей и фрагментов. Воссозданные им характеры с точностью и уважением воздают должное всем нашим невероятным друзьям.

Предисловие переводчика

История Джоанны – сказка. Сказка о молодой, наивной американской девчонке, почти случайно угодившей в Империю зла, открывшей там внезапно для себя Страну Чудес, и поставившей перед собой задачу сделать эту Страну Чудес открытой и доступной всему миру. В Стране Чудес она познакомилась и подружилась со множеством сказочных героев, встретила и полюбила одного из них, ставшего для нее волшебным Принцем. Преодолевая всевозможные преграды и одолевая врагов, она-таки соединилась со своим Принцем, попутно превратив болотную лягушку, «никому неведомую зверушку» – русский рок – в явление мировой культуры.

Должен признать, что я поначалу со скепсисом отнесся к появлению Джоанны в нашем мире. Замкнутый, чуждый не понимающему, не принимающему его и потому враждебно к нему настроенному внешнему советскому окружению, мир этот сам был к тому времени иной, почти сказочной альтернативной структурой, идеально выстроенной по законам мифотворчества. Опираясь он на романтическое идеализированное видение двух оставшихся в пространственном и временном Зазеркальях и потому почти мифических, во многом воображаемых мирах – мире западного рока и мире русской, несоветской культуры.

Мне казалось немыслимым, что кричаще одетая, в леопардовых штанах, с выбеленной челкой, с парой песенок в стиле бездумной американской попсы певичка, не знающая ни русского языка, ни русской культуры, – ровня героям нашего рок-подполья, и что она сумеет построить тот самый, желанный и столь необходимый мостик во внешний мир, который не сумели навести наши другие, многочисленные, куда более искушенные и опытные западные друзья.

Она ни о чем подобном, по счастью, не думала. Она очаровалась мифом и сказкой, погрузилась в магию чуда, которое, в точности, как и для сказочного прототипа ее книги, становилось «все чудесатее и чудесатее» – и, не думая и не размышляя, стала творить и свое собственное чудо – верой, убежденностью, любовью. Таким чудом стал теперь легендарный двойной альбом Red Wave. Four Underground Bands from the USSR.

О «золотом веке» русского рока, зафиксированном в том числе на альбоме Red Wave, написано немало: мемуаров, воспоминаний, историй отдельных групп, даже серьезных академических исследований и энциклопедий. Всеобъемлющей истории, однако, нет. Не станет такой и «Стингрей в Стране Чудес». Но история русского рока не может быть написана без этого уникального документа. И мы должны быть благодарны Джоанне, которая спустя два десятилетия после, как казалось всем, в том числе и ей самой, уже окончательного расставания с русским периодом своей биографии решила вернуться к нему и рассказать обо всех перипетиях своих приключений, связанных с историей возникновения замысла, реализации и последствиях этого исторического альбома.

Значение и роль Red Wave невозможно переоценить. Пластинка не только открыла русский рок миру, она стала и мощнейшим катализатором его развития. Она и развернувшийся вокруг нее скандал подстегнули процессы признания и легитимизации рок-музыки в СССР, расширили границы гласности. Red Wave и выпущенный с его помощью на свободу русский рок стали знаменем радикальных исторических перемен в стране.

Книга «Стингрей в Стране Чудес» ценна еще и своим уникальным двойным видением.

С одной стороны, это неискушенный, но любопытный, страстный, равнодушный взгляд извне. Ужасно интересно читать, как воспринимался мир советского рок-андеграунда сторонним взглядом. С другой стороны, волею судеб Джоанна оказалась в самой гуще этого андеграунда, и взгляд ее – взгляд изнутри, взгляд не только свидетеля, но и непосредственного участника многих событий, которым было суждено стать историей. Даже такому читателю, как я,

который был рядом во многих из описываемых эпизодов, она открыла немало новых интригующих фактов.

И еще эта книга прекрасно, легко, ярко, образно и увлекательно написана. Читается она, как захватывающий детектив, в чем немалая заслуга соавтора Джоанны Мэдисон Стингрей. Дочь очаровалась восхитительной, захватывающей историей приключений матери в Стране Чудес и сумела облечь ее в простой, доступный, но вместе с тем полный подлинного чувства и подлинной поэзии язык. Как живые, встают со страниц книги Борис Гребенщиков и Виктор Цой, Юрий Каспарян и Сергей Курёхин, Костя Кинчев и Тимур Новиков, Африка и Коля Васин, Дэвид Боуи и Энди Уорхол и многие-многие другие герои сказочной Страны Чудес. Совершенно очевидно, с какой любовью и страстью писали эту книгу мать и дочь. Мне, как переводчику, доставляло истинное наслаждение передавать эти любовь и страсть и, надеюсь, такое же наслаждение от книги получит и читатель.

Я позволил себе снабдить книгу довольно обширным аппаратом примечаний и комментариев. Мне показалось это необходимым. Многие имена, топонимы и факты как из советских, так и из американских реалий 80-х годов сегодняшнему читателю неизвестны, а знание их важно для понимания исторического контекста книги.

Добро пожаловать в Страну Чудес Джоанны Стингрей! Добро пожаловать в сказку!

Александр Кан
Лондон, январь 2019 г.

Введение. Кроличья нора

Я хорошо помню день, когда я, как Алиса в знаменитой сказке, провалилась в кроличью нору.

Был март 1984 года, и мой самолет приземлился в московском международном аэропорту Шереметьево. Все вокруг выглядело холодным, мрачным, безжизненным, и, проходя по бесконечным бетонным коридорам, я чувствовала пустоту и напряжение. Я шла, казалось, целую вечность, все больше отдаляясь от дома, солнца, моря и пальм, которые до сих пор были неотъемлемой частью моей жизни.

В таможенном отсеке мне пришлось встать в хвост длинной очереди мрачных и молчаливых людей. Куда ни посмотри, повсюду стояли неподвижные фигуры солдат, застывшие и безжизненные, как манекены. Дышат ли они? А я дышу? Я глубоко вздохнула, сразу ощутив смесь сигаретного дыма и запаха пота сотни запертых со мной в одном помещении тел.

Такое состояние продолжалось еще три дня. Из окон туристического автобуса Москва выглядела серым, угрюмым городом-призраком, хоть и наполненным жизнью. По улицам торопливо сновали одетые в черное или темно-синее люди. Помню мелькнувшую в голове мысль: «Вот место, куда я никогда больше не захочу приехать, – империя зла и отчаяния за железным занавесом». Впервые я подумала, что отец мой был, наверное, все-таки прав.

На четвертый день я отправилась в Ленинград – за грязными стеклами автобуса виднелась новая монотонная череда пейзажей унылой страны. Мы ехали будто в передвижной тюрьме, а механический голос бдительного тургида, твердящий заученный текст, напоминал утреннюю молитву перед кучкой падших ангелов. После обеда в отеле я решила, что с меня хватит, и, прокатившись по загадочному лабиринту, оказалась у ног «отца русского рок-андеграунда». Я помню, как, оказавшись у него дома, поразились, что передо мной живой, настоящий человек со светом в глазах и живым цветом лица. Я слушала русский рок – безумный саундтрек жизни, любви и потерь – и внезапно поняла: я в Стране Чудес!

С этого момента жизнь моя переменилась. Я стала одержима Страной Чудес и ее жителями, которые питали город электричеством, даже когда ток был отключен. Я пыталась проводить там как можно больше времени, впитывая в себя этот дух, пока, наконец, кроличья нора не выплюнула меня и не затворилась навсегда. Книга, которую вы держите в руках, – история моей жизни с марта 1984-го по апрель 1996-го и всех тех приключений, которые за эти годы мне довелось пережить вместе с самыми замечательными героями.

Глава 1

Все началось в Ла-Ла Ленде

Мне было то ли шесть, то ли семь, когда отец вдруг сказал мне: «Никогда, ни в коем случае не вздумай отправляться за Железный занавес».

Тогда я, разумеется, и представить себе не могла, что сделаю все вопреки его совету. Детство мое проходило в каньоне Топанга, где я слонялась по холмам вокруг Лос-Анджелеса, охотясь за солнцем и прячась от гремучих змей. Трудно представить себе место, более далекое от стальной коммунистической страны, которая на годы станет моим домом. Несмотря на отдаленность, отец мой был страстно предан СССР – точнее, подогреву страха американцев перед этой страной. Я хорошо помню, как в середине 60-х в своем теплом, обитом деревянными панелями кабинете он работал над документальным фильмом «Правда о коммунизме»¹. Он был сценаристом, режиссером и продюсером картины и отдал ей три-четыре года жизни. Повсюду громоздились стопки коробок с киноплёнкой, которую он бесконечно резал, монтировал, перемонтировал, заваливая комнату грудami целлулоидных обрезков. К этому страшному месту – СССР – он относился со всем вниманием. Настолько, что к чтению авторского текста сумел даже привлечь будущего губернатора Калифорнии и бывшего актера Рональда Рейгана, который именно в этом фильме чуть ли не впервые произнес свои ставшие потом крылатыми слова об «империи зла». В конце 70-х «Правда о коммунизме» стала широко известным антикоммунистическим пропагандистским фильмом, его показывали детям в школах по всей стране, в том числе и в той, где училась я. Папе я безоговорочно верила, и голос его долго звучал где-то на задворках памяти, как спрятанный глубоко под подушку крохотный будильник.

Но, несмотря на все отцовские усилия, Россия меня тогда совершенно не интересовала. Я лазила по предгорьям Санта-Моники, гоняла в школу на велике и вместе с сестрами таскалась за мамой по всем мюзиклам, которые только приезжали в Лос-Анджелес. С отцом мама развелась, когда мне было то ли одиннадцать, то ли двенадцать, и мы переехали в съемный дом на две семьи в Беверли-Хиллз, у самой красивой в мире, по слухам, железной дороги, правда, с неправильной ее стороны. Заросший сад был густо засыпан пальмовыми листьями, а с севера до нас доносился гул вечно шумящего бульвара Уилшир, лос-анджелесского Бродвея. Дом был всего в квартале от моей школы Beverly Hills High School – средоточия моей вселенной. К чему мне были геронтократы в Кремле? Бесконечные очереди за продуктами? Преследования КГБ? Меня куда больше волновали пышность собственных волос, возможность прогулять школу и острейшая проблема – как бы съесть как можно больше обожаемых мною замороженных кексиков, которые всегда хранились в холодильнике моей лучшей подруги.

Если не считать отца, то единственное столкновение с Россией было у меня на любимых мной уроках по русской истории. В конце 70-х Госдеп утвердил программу образовательных обменов с СССР, и наш замечательный учитель начал готовить недельную поездку на время зимних каникул. Моя лучшая подруга Диана, мать которой готовила те самые восхитительные кексики, должна была ехать. Мне безумно хотелось к ней присоединиться – отчасти потому, что я стремилась позлить папу-антикоммуниста, отчасти потому, что никак не желала оказаться обделенной. Мама, как всегда, взвалила на себя кучу дополнительной работы, чтобы заработать денег мне на поездку, но в итоге, когда все грузились в самолет, я сидела дома со

¹ Отец Джоанны Сидни Филдс (1914–2001) – джазовый музыкант, менеджер и продюсер. Документальный фильм «Правда о коммунизме» (1962) – его единственный опыт работы в кинематографе. (Здесь и далее примечания переводчика).

своим великом и чувствовала такую горечь и обиду, что память о них оставалась со мной многие годы.

По счастью, для встречи с рок-н-роллом мне не пришлось ждать поездки в Россию. Мой школьный бойфренд Пол познакомил меня с музыкой, которую Дэвид Боуи окрестил как «опасную» и «более мрачную, чем мы сами». Музыка была единственным, что могло хоть как-то перекрыть подростковый эгоцентризм и дать возможность ощутить, что в мире есть сила, способная побороть даже самого могущественного великана. Пол занимался спекуляцией с билетами на концерты: высокий, всегда уверенный в себе парень, он управлял целой бандой странных типов, которые сутками напролет стояли в очередях, чтобы выкупить лучшие места. Так я оказалась в первом ряду на концертах Дэвида Боуи, Rolling Stones, Alice Cooper, Элтона Джона, Пола Маккартни с Wings и многих других, чьи имена за давностью лет выветрились из памяти. Чуть ли не каждый жаркий вечер я стояла вплотную к сцене, ощущая, как музыка проникает в самую глубь моего естества. Мне нравилось всё, но больше всего я сходилась с ума по Боуи. В его внешности падшего ангела, сошедшего на землю в своем металлическом облачении, в каждом его жесте, каждом взгляде была магия. Он пьянил больше, чем любой алкоголь. Именно он заразил меня желанием выступить, он заставил поверить, что есть нечто, ради чего стоит жить.

В свою первую группу я попала благодаря дружбе с ее менеджером Джеффом Смитом. Джефф сумел собрать приличных музыкантов – все они были с грязными волосами, но горящими глазами. Стоя на авансцене с огромным микрофоном в руках и по-дурацки завитыми волосами, я представляла собой кошмарное зрелище: наглая школьница, способная реветь, как северный олень, но не способная держать тональность. У меня была яркая внешность, куча энергии, но я понятия не имела, что я делаю.

Отец Джеффа Джо возглавлял Capitol Records. Тогда это была известная и крупная компания. Внушительная 13-этажная башня на углу Голливудского бульвара и улицы Вайн с огромным фирменным логотипом на самом вершине равнодушно и надменно взидала на копошащихся внизу туристов и на новичков, желающих приблизиться к манящему миру музыки. Жил Джефф в огромном доме на Роксбери-драйв в Беверли-Хиллз, и именно там, в обвитом плющом кирпичном доме, мы и репетировали. Время от времени отец Джеффа заглядывал в «курилку», чтобы посмотреть и послушать, как скачет и гремит группа его отпрыска – прямо как большие! Представляю, как ему было неловко! Мы едвагодились для выступления на школьной вечеринке, но Джефф неизменно затаскивал отца к нам, как будто предполагал, что Джо прямо тут же предложит нам контракт. Джо, нужно отдать ему должное, терпеливо высиживал очередную ужасную песню, которую мы решали исполнить для него на этот раз, и даже вежливо покачивал головой в такт. Потом он, как правило, говорил: «Знаете что, ребята? Вам нужно продолжать репетировать. Если вы этого хотите по-настоящему, то нужно работать, и вы будете играть все лучше и лучше». Так я впервые услышала конструктивную критику по отношению к себе как музыканту – если, конечно, меня тогда можно было назвать музыкантом. Я приняла эти слова близко к сердцу и пронесла их с собой через все университетские годы, неизменно практикуя свое пение в крохотных затхлых душевых кабинках, столь характерных для американских студенческих общежитий.

Благодаря успешным занятиям прыжками в воду я получила стипендию в Университете Южной Калифорнии. Затем, желая сменить атмосферу, перешла в Бостонский университет, но холод погнал меня обратно, и диплом я получала уже в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе (UCLA), в стране вечного лета и смога. Если бы кто-то мне тогда сказал, что я проведу больше десяти лет жизни в стране сибирских морозов, ответ мой был бы прост: «Ни за какие деньги!».

Летом 1981 года, еще учась в UCLA, я пошла работать в магазин одежды. Да, стоит признать, что это было вовсе не то, что имел в виду Джо, советуя мне усердно заниматься музы-

кой. Уже через несколько дней в этом магазине я помирала со скуки, чувствуя себя морской черепахой, пытающейся продрасться к воде по сухому песку. Монотонная рутина – работа, еда, сон... опять работа, еда, сон – сводила меня с ума. Тогда я решила раз и навсегда: обычная работа с девяти до пяти не для меня. Сколько бы мне ни пришлось заниматься, как бы трудно мне ни давались премудрости музыкальной грамоты, я должна петь. И я буду петь!

Уже через несколько дней с моей лучшей подругой мы решили основать еще одну группу. В Лос-Анджелесе тогда была популярна девичья группа The Go-Go's, ну и мы – прямо как в фильме «Ла-Ла Ленд» – решили, что и у нас должно получиться. Она должна будет научиться играть на гитаре, я буду петь. Ну и, как Боуи, я буду писать собственные песни – дело, как выяснилось, не самое легкое, если ты не умеешь толком играть ни на одном инструменте. Я старалась изо всех сил, извела кучу бумаги и в конце концов сумела-таки родить пару глупых, девчоночьих песенок. Одна называлась Beverly Hills Brat («Испорченная девчонка из Беверли-Хиллз»), а вторая – Boys They're My Toys («Мальчишки – мои игрушки»).

Дело сделано, казалось мне. Я уже готова была бросить университет и стать звездой рок-н-ролла. Мама моя повторно вышла замуж за невероятно успешного адвоката, инвестора в недвижимость, коллекционера искусства и хорошо известного мецената². Оба воспринимали мои планы в лучшем случае как юношеский идиотизм, в худшем – как верную дорогу к саморазрушению. «Ты представляешь себе, как тебе повезло, что отчим готов оплачивать твое образование?!» – восклицала мать с белым от ярости лицом. Она грозила лишить меня всех денег, если я не закончу учебу. За отсутствием альтернативы мне пришлось смириться, хотя в глубине души от планов стать рок-звездой отказываться я не собиралась.

Каждое утро я тащилась в университет, но на лекциях только и делала, что пыталась сочинять песни. К моменту окончания в 1983 году у меня накопилось их несколько штук. Оставалось только их записать, и имя мое засверкает неоновыми огнями на бульваре Сансет. В записи EP³ мне помогла моя старая школьная группа, и с демо-кассетой в руках я отправилась на поиски контракта – точно так же, как в XVIII веке женщины бродили от дома к дому, пытаясь обменять серебро на золото. С помощью своего старого бойфренда Пола я познакомилась с Маршаллом Берлом, племянником Милтона Берла⁴. У Маршалла было длинное узкое лицо и огромные темные очки. Он согласился стать моим менеджером и издал EP на своем независимом лейбле Time Coast Records. Благодаря связям Маршалла нам довольно скоро удалось убедить некоторых людей вложиться в мою музыкальную карьеру. Я перезаписала Beverly Hills Brat для издания своего первого сингла, и мы даже сняли видео, на котором я с развевающимися на ветру волосами мчалась среди пальм и роскошных особняков Беверли-Хиллз в открытом «Роллс-Ройсе». Пластинка вышла и даже продавалась в Tower Records⁵. Я каждый день приходила в магазин и часами торчала у полки с моей EP, со счастливой улыбкой и надеждой заглядывая в глаза каждому проходившему мимо панку, хипстеру или бизнесмену.

Для продвижения пластинки я отправилась даже в небольшой тур по крохотным залам в разных городах. Главный из этих концертов состоялся в легендарной «Студии 54»⁶

² Фредерик Николас (р. 1920), кроме успешной карьеры в юриспруденции и инвестициях, широко известен и как коллекционер, знаток искусства и меценат. При его активном участии создавались Концертный зал им. Уолта Диснея и Музей современного искусства в Лос-Анджелесе. В течение пяти лет он был Председателем Совета попечителей музея.

³ EP (Extended Play) – виниловая пластинка на четыре песни, в отличие от SP (Single Play) – сингла с двумя песнями и LP (Long Play) – долгоиграющего альбома.

⁴ Милтон Берл (настоящее имя Мендель Берлингер) (1908–2002) – американский актер-комик, звезда американского телевидения 50-х годов, снимался в кино, в том числе и в таких знаменитых картинах, как «Займемся любовью» с Ивом Монтаном и Мерилин Монро, «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир», и в фильме Вуди Аллена «Бродвей Дэнни Роуз».

⁵ Tower Records – одна из крупнейших в мире розничных сетей музыкальных магазинов. Основана в 1960 году в Калифорнии. Просуществовала до 2006 года, когда было объявлено о банкротстве и ликвидации компании.

⁶ Studio 54 – культовый ночной клуб и всемирно известная дискотека в Нью-Йорке, открывшийся в апреле 1977 г. на

в Нью-Йорке. Был 1983 год, Нью-Йорк распирало от глянца: душа, характер и стиль города воплотились в блестящих, ярких цветах и диких искаженных лицах его причудливых персонажей. «Студия 54» была самым модным местом Нью-Йорка, крутизна сочилась из него, как повидло из раздавленного пончика.

Несколькими годами ранее мать с отчимом устроили у нас дома прием для Энди Уорхола. Я попросила его расписаться на обложке пластинки Rolling Stones Sticky Fingers⁷, оформление которой он придумал, а он вместо автографа нарисовал вагину. Каким-то чудом сквозь телефонные лабиринты «Студии 54» мне удалось пробиться к Энди, он связал меня с менеджерами клуба, и в полночь 4 октября 1983 года на огромном экране «Студии 54» заиграл мой клип Beverly Hills Brat. Я бегала по мостику над мерцающей толпой и усердно раскрывала рот, стараясь попадать в такт собственному записанному пению. Ощущение было, будто я добила всего, что хотела, что я стала звездной пылью, сыплющейся на головы и в глаза публики.

К сожалению, моя американская рок-карьера продлилась всего несколько месяцев. Менеджер Маршалл все деньги, которые мы собрали вместе, с помощью моих друзей и контактов, вложил в хеви-металлическую группу Ratt: татуировки, длинные волосы, тяжелый грим. Ну а моей звездной славе наступил конец.

В эти несколько песен я вложила все, уверенная, что если следовать засевавшему у меня в голове завету Джо Смита и стараться из всех сил, то успех к тебе непременно придет. И тут, впервые в жизни, все у меня развалилось, как тот самый недопеченный пирог, который расплылся еще до того, как ты положил его на тарелку. В депрессии я заперлась у себя в комнате, бесконечно орала на мать и ненавидела весь мир, понятия не имея, что делать со своей жизнью дальше. Менеджер исчез, матери я надоела хуже горькой редьки, друзья были по уши погружены в собственную жизнь. От нечего делать я решила позвонить сестре Джуди, которая на год уехала учиться в Лондон. Друг от друга нас отделяли целый континент и целый океан, и ей я еще не успела осточертеть.

– Мне нужна смена обстановки, – сказала я ей. – Здесь я просто схожу с ума. Можно я к тебе приеду?

– Не знаю, – ответил ее далекий голос. – Я отправляюсь в поездку от университета в Россию: Москва и Ленинград. На все про все всего триста долларов.

К тому времени наступил уже 1984 год. В Белом доме был Рональд Рейган, и Госдепартамент начал активно продвигать всевозможные образовательные и культурные обмены, стремясь таким подспудным путем внедрить в головы советских граждан мысль, что американцы живут более свободной, богатой и счастливой жизнью. Мгновенно всплывшие воспоминания об упущенной еще в школьные годы возможности съездить в СССР слились воедино с горечью об утраченной карьере рок-звезды. Все вместе жгло совершенно нестерпимо и требовало немедленного разрешения.

– Я хочу с тобой, – уверенно заявила я Джуди.

Она пообещала узнать, есть ли в группе свободные места. Оказалось, что есть. Я еще не могла предсказать, какую поворотную роль в моей судьбе сыграет эта поездка, но, когда она стала реальностью, я почувствовала невероятное облегчение от того, что, по крайней мере, еще на несколько месяцев буду избавлена от очередной унылой работы в магазине. На радостях я решила позвонить своей лучшей школьной подруге и сообщить ей, что наконец-то и я еду в СССР.

пересечении Бродвея и 54-й улицы (отсюда название). На рубеже 70–80-х годов – главное место ночной, светской и концертной жизни Нью-Йорка.

⁷ На обложке альбома Rolling Stones Sticky Fingers размещена фотография облаченной в джинсы мужской промежности с явно выделяющимся контуром пениса. На оригинальном издании обложка была украшена настоящим работающим зиппером. Дизайн приписывают Энди Уорхолу, но ему на самом деле принадлежит лишь общая идея. Автор фотографии – Билли Нейм, а дизайн разрабатывал Крэг Браун.

– Эй, а ты не забыла, что моя сестра замужем за русским эмигрантом? – напомнила мне подруга. Мужа сестры моей подруги звали Андрей Фалалеев, и уже через несколько дней я пригласила его на ланч, чтобы обсудить предстоящую поездку.

– Тебе обязательно нужно встретиться с моим другом! – провозгласил Андрей, как только мы уселись на пластиковые красные скамьи ресторанчика. – Он невероятно крут. Ты же едешь в Ленинград?

– Так, по крайней мере, запланировано, – ответила я. – Хотя не уверена, что мне удастся оторваться от группы.

– Он главная звезда русского рок-андеграунда. Его все обожают, – продолжал Андрей.

– Я и не знала, что в России есть рок, – рассмеялась я, представив себе, как этот рок может выглядеть на фоне хорошо известных мне американских звезд. – Ну и как мне связаться с этим твоим другом?

Выяснилось, что у друга Андрея, как у настоящего человека из андеграунда, телефона нет. Но есть телефон у его друга. Я записала имя и номер, пообещав с ними связаться.

– Только будь осторожна, Джоанна. Этим людям встречаться с иностранцами нельзя. Это считается незаконной деятельностью.

Он наклонился ко мне через липкий стол с оладьями, как будто хотел поделиться секретом:

– Но Бориса Гребенщикова это мало волнует.

Глава 2

Медвежье логово

Москва была настоящим медвежьим логовом, погруженным в непрекращающийся враждебный милитаристский угар.

Стоило нам выйти из самолета и пройти паспортный контроль, как мы оказались в зале аэропорта в окружении шеренги солдат с винтовками и серыми, каменными лицами. Мне сразу вспомнились соревнования по прыжкам в воду, огромное закрытое пространство, по которому ты должен пройти на вышку, ощущая просто физически, как все вокруг, с опущенными головами и напряженными телами, настроены против тебя. Я инстинктивно повела плечами – спортивный ритуал, который, как мне казалось, я уже начисто забыла. Мне никогда не нравились соревнования, не нравилось и то, что я видела и чувствовала в московском аэропорту.

Таможенный зал был ярко – с пола до потолка – освещен флуоресцентными лампами. Наши чемоданы водрузили на стол и стали тщательно их перерывать, откидывая в сторону одежду, пока не обнажилось дно. Мы с Джуди стояли рядом, переминаясь с ноги на ногу и осознавая, что отношение ко времени здесь совершенно иное. Мне отвратительно ощущение бессилия – именно так, представляется мне, чувствует себя сейчас человек, приезжающий в Северную Корею.

Получив наконец чемоданы, мы погрузились в автобусы и отправились в гостиницу «Космос» в двадцати минутах езды от центра. Гостиница показалась нам мрачным, запустелым, безлюдным местом. По форме здание было дешевой золоченой копией полумесяца, угодившего вместо неба на безобразную московскую улицу. У какой-то женщины я спросила, как найти лифт, чтобы подняться к себе в номер. Вместо ответа она уставилась на меня так, будто ей нужно было увидеть, как на свежеекрашенной стене сохнет и постепенно начинает шелушиться краска.

Только разобрав чемодан, я поняла, насколько медведи-таможенники обчистили мой багаж. Исчезли фен, тампоны, зубная паста, губная помада – короче, все, чего нельзя было купить за железным занавесом. Как ни странно, нетронутыми остались моя пластинка и мои фотографии, которые я привезла с собой, чтобы показать Борису, как выглядит и как звучит настоящая рок-звезда. Оглядываясь назад, я понимаю, что уже тогда мне следовало воспринять случившееся как знак: московских таможенников мои тампоны интересуют куда больше, чем моя музыка!

Группа собралась внизу, где нам долго вдалбливали, что мы всё время должны держаться вместе. В медвеьем логове туристическая группа была сродни штампу на руке, подтверждающему наше право здесь находиться. Стоит нам отстать от группы, штампик смоемся, и нас, пинком под наши маленькие, обтянутые джинсой задницы, вышибут домой на ближайшем рейсе. Я понимала, что для наших коммунистических хозяев правила эти были очень-очень важны, но мне примириться с ними было непросто. Я с четырнадцати лет гоняла на автомобиле, каждую неделю смывалась из школы, чтобы пообедать в Nate n' Al's⁸. Попробуй здесь нечто подобное, и все гулянье, судя по всему, мгновенно закончится.

Мы провели в Москве три дня, которые вполне могли бы считаться тремя днями на Луне. Мне казалось, что я на другой планете, в окружении бесконечных коммунистических росписей, барельефов и скульптур, воспевающих тяжелый труд и чувство коллективизма. Они были яркими и завораживающими, как какой-то тяжелый болезненный галлюциноген. Не было ни рекламы, ни афиш, ни больших уличных знаков. Лишь стандартные безликие вывески круп-

⁸ Знаменитый гастрономический магазин деликатесов и ресторан на фешенебельной Родео-драйв в Беверли Хиллз.

ными русскими буквами: АПТЕКА, ГАСТРОНОМ, БУЛОЧНАЯ. Серая и темно-синяя одежда выглядела, как синяки и подтеки на телах людей, почти никто не улыбался, и никто не осмелился мне ответить, когда я приветственно махала рукой. Все выглядели несчастными, выстаивая в бесконечно долгих очередях за хлебом и лекарствами. Ощущение от города было недружелюбным и суровым.

Вскоре, правда, я научилась видеть в Москве и красоту: светящиеся глаза в целом нахмуренного и равнодушного города. Мы увидели исторические памятники, музеи, здания и парки. Многие из этих замечательных мест были построены еще до коммунистической революции и сохранили в себе кокетливую грусть по прежним временам. Луковки собора Василия Блаженного поражали психоделическим буйством калейдоскопа красок. Мало-помалу я начала ощущать, что где-то в глубине, под металлической броней СССР, прячется его теплое, мягкое и живое подбрюшье.

За годы коммунистической эры страна, конечно, приспособилась к мрачному и безликому фасаду, но под ним скрывалась богатая культура, вкус которой невозможно было не ощутить даже при самом мимолетном с нею соприкосновении. Мне вдруг захотелось, чтобы русские смелее и чаще проявляли свои яркие черты, чтобы кто-то улыбнулся или расхохотался. Меня бесило, что вся огромная страна подчинилась ментальности московского официоза вместо того, чтобы выражать свое скрытое в глубине наследие. Помню, как я решила, что отец мой, наверное, все-таки был прав, называя Советский Союз захваченным чудовищами ужасным местом, и что больше я сюда никогда не приеду.

На четвертый день мы поехали в Ленинград. Сразу стало очевидно, что в городе есть энергия и приподнятость и что найти их куда легче, чем в Москве. Здесь было больше цвета: мягкие желтые, светло-голубые и темно-зеленые тона отражались в серебристой поверхности каналов, освещая барочную и неоклассическую архитектуру и луковичные купола соборов. Я вдруг ощутила перемену настроения: на место раздражения пришли любопытство и интерес, город очаровывал скорее, чем пугал. Он чем-то напоминал северную Венецию, завораживающий и холодный, но рождает и другое географическое ощущение – будто спустился на землю прямо из сибирской сказки.

Как только мы заселились в отель, я тут же заявила Джуди, что намерена разыскать этого рокера Бориса. Меня уже тошнило от официальных экскурсий, от замкнутых в ледяные оковы дворцов и парков. Этот новый город меня вдохновлял, и поиск Бориса казался тем самым приключением, которое должно было придать нашему пребыванию здесь свежесть и остроту. Ну а если меня и в самом деле поймают, то неужели они меня тут же вышлют? Чувствовала я себя вполне уверенно: в конце концов, в жилах моих текла кровь, вскормленная и пропитанная чувством американской исключительности. В конце концов, если настоящей вечеринки тут нет, то как можно тебя с нее выгнать?

Очень быстро стало ясно, что в Советском Союзе даже малейший шаг сопряжен с трудностями. У Бориса телефона не было, но, как сказал мне Андрей Фалалеев, телефон был у его виолончелиста Севы Гаккеля. Вместе с Джуди мы робко подошли к старушке, сидевшей в коридоре на нашем гостиничном этаже. Посажена туда она была, по всей видимости, самим правительством, и вела себя так, будто была, по меньшей мере, наместником императора в своем маленьком царстве. В ее полной власти было позволить или не позволить двум наивным американским девочкам совершить телефонный звонок.

– Здравствуйте, меня зовут Джоанна, – представилась я с чарующей улыбкой.

Бабушка не шелохнулась.

Гмм.

– Я. Хотела бы. Позвонить. По телефону, – произнесла я уже более серьезно, пытаюсь максимально четко выговаривать каждое слово.

Она обратила на меня внимание и следила за каждым моим движением, пока я доставала из кармана листок бумаги с номером телефона.

– Пожалуйста. Позвоните. По этому. Номеру. – Я положила на стол перед ней листок бумаги и стала нервно ждать, закусывая в волнении губу. Ждала, как мне показалось, целую вечность.

Наконец она что-то буркнула, что я восприняла как успех.

Через несколько гудков телефон ответил женским голосом.

– Аллю?

– Здравствуйте, это Джоанна из Калифорнии! А Сева дома? – радостно прокричала я в трубку. Отбой.

Я опять посмотрела на наместницу императора, которую про себя уже иронично окрестила как «мисс Дружелюбие»⁹. Я огорченно пожала плечами и вновь придвинула к ней листок с номером телефона. Если бы на столе стоял утюг, то ее ответный выдох сдул бы его на пол. Номер, тем не менее, она все же набрала еще раз.

– Хэллоу! – ответил телефон на сей раз мужским голосом и, главное, по-английски!

– Привет! – чуть ли не заорала я, стараясь успеть сказать как можно больше, прежде чем вновь раздастся ужасный звук отбоя. – Меня зовут Джоанна, я из Америки, и мой друг Андрей дал мне твой номер телефона, чтобы связаться с Борисом. Я тоже музыкант!

– Ага, а где ты остановилась? – спросил он. Английский у него был явно неродной, но говорил он бегло, с мягким русским акцентом, благодаря которому каждое произнесенное слово звучало веско и значительно.

– В отеле «Москва».

– Приходи к пяти часам к станции метро прямо у гостиницы «Москва», – сказал он и повесил трубку.

Все. Свершилось. Встреча назначена.

Мы с сестрой посмотрели друг на друга. Джуди даже не стала ждать, пока я открою рот, и спросила озабоченно: «Погоди, а мы что, уйдем с экскурсии?»

– Почему бы и нет?

– Нет, нельзя, у нас будут проблемы, – испуганно проговорила она, подтвердив, что, по крайней мере, на некоторых из нас подействовала долбежка руководителя группы.

– Ну, не знаю, что тебе сказать, – произнесла я. – Я очень хочу к ним пойти. Надо будет просто держать удар.

– Удар-то может быть нешуточный, Джоанна...

– Скажем, что чувствуем себя плохо, – оборвала я ее, – и что нам нужно остаться в номере и пораньше лечь спать.

Никто из группы и не подозревал, что, как только они отправились на экскурсию, мы с Джуди спустились и украдкой выбрались из отеля через боковой выход. Не говоря ни слова по-русски, мы кое-как добрались до метро. Что делать дальше, я понятия не имела. Нас со всех сторон толкала спешащая в метро в самый час пик толпа. Мы стояли как можно ближе к выходу, я крепко прижимала к груди пакет с паспортом и бумажником. Впервые с момента приезда, тесно зажатая вместе с остальными людьми в железный кулак, я ощутила в теле возбуждение – оказывается, я живой человек и способна на все.

– А как он выглядит, он сказал? – спросила Джуди.

– Он повесил трубку прежде, чем я успела спросить.

⁹ На конкурсах красоты титул «Мисс Дружелюбие» (Miss Congeniality) присваивается участнице, которую члены жюри сочтут самой приятной и дружелюбной. Одноименный фильм (в российском прокате «Мисс Конгениальность») с Сандрой Буллок в главной роли вышел в свет только в 2000 году, через много лет после приезда Джоанны в СССР.

– Хорошо хоть ты выделяешься из толпы, – она бросила взгляд на мою выбеленную блондинистую прядь и выбритые над ушами волосы. Выглядела я как солистка панк-группы с каким-нибудь замороженным названием и злыми песнями.

И вдруг он появился. Я узнала Бориса сразу. На первый взгляд он был неотличим от любого другого русского, в такой же меховой шапке и длинном твидовом пальто. Но взгляды наши скрестились, и я мгновенно поняла: я *знаю*, что в жизнь мою вошел очень особый человек, волшебный человек. Я не знала почему, но чувствовала, что никогда уже не буду такой, какой была до сих пор.

– Привет, рады познакомиться, – произнес Сева из-за спины Бориса. Я посмотрела на него – достаточно долго, чтобы обратить внимание на длинное лицо и вдумчивые темные глаза. Но как только я опять встретила взгляд Бориса, оторваться от него я уже не могла. Это было как с солнцем – если смотреть на него долго, то оно все время остается у тебя перед глазами.

Ребята взяли нас с Джуди под руку, и мы двинулись по улице.

– Мы идем ко мне домой, – сказал Сева, лавируя в толпе. На каждый шаг его длинных ног приходились два мои. – Там и поговорим. С иностранцами нам встречаться нельзя. Никогда не знаешь, кто может работать на КГБ.

Я посмотрела на него недоверчиво. Неужели меня, в моей разношерстной одежке, с болтающимися в ушах дешевыми сережками, кто-то всерьез может воспринимать как угрозу?

Он понизил голос: «Я говорю совершенно серьезно». Он остановился у подъезда и завел нас с Джуди под арку. Борис облокотился на стенку и согласно кивал головой, выслушивая обращенные к нам Севины наставления: «На людях по-английски не говорите, никому не сообщайте, что вы американцы». Он почесал бороду: «Ладно, пошли дальше».

Мы опять вышли на улицу и двинулись вперед быстрым шагом.

– Вы ведь здесь с группой? – спросил он.

Джуди кивнула.

– Если кто-то спросит, почему вы одни, скажите, что отстали от группы. Так лучше всего.

На той первой встрече было довольно трудно осознать серьезность того, о чем говорил Сева. Я была погружена в очарование момента. В том, как Борис шел, в его мягкой, не сходящей с лица полуулыбке было что-то, что придавало мне силу преображения в городе Ленина: серые облака внезапно превратились в серебро.

Квартира Севы располагалась в центре Ленинграда, в изрядно обветшавшем и потускневшем за десятилетия доме¹⁰. Серые бетонные стены и лестница старого подъезда выглядели перекошенными, как будто здание устало от долгой жизни. Квартира была обжитой, заполненной всевозможными старинными безделушками, и напоминала мне дом моих бабушки и дедушки. На стене висела акустическая гитара. В прихожей стояла полка с домашними тапочками. В уличной обуви по дому никто не ходил. Оглядывая батарею тапок, я обратила внимание, что, как и сам дом, все они были старыми, выдавшими виды.

Ведущая в кухню дверь открылась, и из нее вышла женщина, поспешно направившись мимо нас к выходу.

– Кто это? – спросила я у Севы.

– Моя мать.

– Может, мне нужно с нею познакомиться? – Я еще не осознавала, что встреча с Севой и Борисом была для меня началом проникновения за внешнюю бесстрастную оболочку советской жизни, к теплившемуся под ее поверхностью чему-то настоящему.

– Не сейчас. Может быть, в следующий раз.

¹⁰ Виолончелист «Аквариума» Сева (Всеволод) Гаккель жил и продолжает жить в так называемом «Доме полярников» на улице Восстания. Жилой дом Главсевморпути (официальное название) был построен в 1935 году в стиле сталинского неоклассицизма для участников полярных экспедиций и членов их семей. Отец Севы Яков Гаккель (1901–1965) принимал участие в многочисленных полярных экспедициях, в том числе на ледоколах «Сибиряков» (1932) и «Челюскин» (1934).

Мы с Джуди и Борисом устроились за небольшим, покрытым скатертью столом, который Сева тут же стал накрывать какой-то снедью, печеньем и чашками с янтарного цвета чаем. Он двигался на фоне высоких окон, тянувшихся под трехметровый потолок, из которых внутрь лился дневной свет. Я рассмотрела две комнаты: в одной стояла небольшая бесформенная кровать, вторая выглядела как настоящая спальня. Также я увидела небольшую ванную и еще меньшего размера кухню, примостившуюся под каким-то странным углом в глубине квартиры. Я ощутила тепло и уют; настроение, несмотря на темные нависшие облака за окном и рвущийся в квартиру снаружи холодный ветер, было праздничным. Много раз с тех пор мне приходилось испытывать русское гостеприимство, и всякий раз оно было таким же теплым, как в тот самый первый раз в русском доме. Контраст между тем, как русские вели себя в общественном месте и дома, был разительным: как из горячей бани прыгнуть в снег.

На стенах спальни висели плакаты, по большей части «Битлз» и Джон Леннон, и несколько старых потускневших икон. Тут же какие-то ожерелья, какие-то украшения из бисера – как на монохромной фотографии из 70-х. Есть прекрасная фотография – Сева у себя на кровати под целым иконостасом картин и фотографий, закутанный в узорчатое одеяло, с банданой на волосах.

Внешне Сева выглядел как нечто среднее между Джорджем Харрисоном и Иисусом Христом: длинные темные волосы, усы, борода. Держался тихо и без какой бы то ни было позы. Говорил прямо и просто, слушал внимательно, с неизменной доброй улыбкой. Наблюдая за ним и Борисом в тот первый день, я сразу обратила внимание, насколько они разные. Если для Севы была характерна утонченная серьезность, то для Бориса – расслабленность и спонтанность. Он был настолько красив, что от него было просто трудно оторвать взгляд. Я не могла отделаться от ощущения, что вижу перед собой Дэвида Боуи: четко очерченный подбородок, обрамляющие лицо светлые волосы, ярко-голубые глаза. Однако исходящий от него исключительный свет затмевал даже его идеальную внешность: хотя он сидел тут же рядом со мной, ощущение было такое, будто он возвышается у нас над головами.

К моему удивлению, английский Бориса оказался ничуть не хуже, чем у Севы. Во время разговора Борис достал из кармана листок белой бумаги и маленький коробок для фото пленки. Из коробка он высыпал на бумагу сухой порошок, свернул сигарету, лизнул, зажег и закурил. Я была уверена, что это марихуана, но на мой вопрос он ответил, что это табак из папиросы. Дым был прозрачный и сладковатый на вкус, лицо его в дыму обретало ангельский и совершенно неестественный вид.

– Откуда вы так хорошо знаете английский? – спросила Джуди.

– У нас были самые лучшие учителя: Элвис, Дилан, Леннон и Маккартни, – с хитрой улыбкой ответил Борис. – Когда слушаешь их песни каждый день, то тебе хочется узнать, о чем они поют. Берешь словарь и находишь там слова. Не так уж это и трудно.

– А музыку вы как находите? – спросила Джуди.

– Сначала это было радио из Лондона. Но на черном рынке можно найти все что угодно, – ответил Сева.

– Мы не просто слушаем, мы ведь и исполняем песни тоже. Любой человек, играющий музыку, так или иначе, знает английский. Когда я полюбил «Битлз», я стал читать стихи американских поэтов – Джека Керуака, Аллена Гинзберга.

Я слушала с широко открытыми глазами и кивала головой, будто я тоже люблю и знаю эту поэзию, хотя на самом деле у меня было довольно смутное представление о страстных, одухотворенных личностях, стоявших за этими именами. Мои воспоминания об университете были скорее связаны с семестром, когда мы учились прямо на борту круизного судна, путешествуя по миру и погружаясь в воды Средиземного моря, чем с погружением в романы Керуака «В дороге» и «Бродяги Дхармы». Эти парни знали о моей культуре куда больше, чем я.

– Иногда кому-то из друзей удается достать американский фильм, и мы собираемся вместе, чтобы его посмотреть, – продолжал Борис.

– Джоанна, расскажи нам о своей музыке, – попросил Сева. – Мы бы хотели ее послушать.

Я включила на своем плеере Beverly Hills Brat и Boys They're My Toys. Борис слушал в наушниках, откинувшись на потертую спинку дивана, закинув ногу за ногу и закрыв глаза.

– Здорово! – наконец сказал он. – Но что такое brat?

Я объяснила, что так называют детей богатых родителей, среди которых я росла в Лос-Анджелесе, – пижонов с задранными носами, гоняющих по городу на своих роскошных автомобилях.

– Ха! У нас такой проблемы нет, – сказал Сева. Он взял у Бориса наушники и через несколько минут тоже закивал головой: «Мне нравится».

– А своя музыка у вас здесь есть? – спросила я, довольная их одобрением.

– Есть, но только на кассетах. Пластинки, как у тебя, у нас нет, – сказал Борис. – В настоящую студию нам не попасть. У одного нашего приятеля есть полупрофессиональный магнитофон, и иногда по выходным мы собираемся у него для записи. Затем переписываем с пленки на пленку, и так наша музыка распространяется по всей стране. Иногда мы даже делаем настоящую обложку, как у вас в Америке.

– А почему вам не записаться в настоящей студии? – спросила я.

– Потому что мы не «официальная» группа, – ответил Сева.

– Некоторые группы подписали официальные контракты, – пояснил Борис. – Они могут выступать на публике и получать за это деньги. У них есть доступ к студии, к настоящим высококачественным инструментам, и они могут выпускать пластинки на «Мелодии», единственной фирме грамзаписи в России.

– А вам почему не сделать так же?

Борис замолчал и придвинулся ко мне поближе, как будто хотел объяснить что-то неразумному ребенку, и в то же время будто он готов был поделиться со мной большой тайной – как если бы мы знали друг друга всю жизнь.

– Потому что официальные группы должны представлять свои тексты цензуре. И тексты из-за этого получаются никакие. У нас в стране каждый по закону обязан работать, и для этих музыкантов их группа – такая же работа, как и любая другая. Я одно время работал ночным сторожем – прекрасная работа. Работаешь сутки, потом трое отдыхаешь. Есть время для музыки. Теперь я даю частные уроки и работаю когда хочу. Да, группа наша и музыка наша у нас в стране вне закона, но мне это дает больше свободы. И не так уж это плохо.

Все время, пока он говорил, на губах у него играла едва заметная улыбка, а глаза и вовсе смеялись, как будто все, о чем он рассказывал, его просто забавляло.

Я надела на голову наушники, Борис вставил в плеер кассету и включил звук. С первых же аккордов меня захватила чарующая духовность музыки, а голос Бориса, когда он запел, звучал отстраненно, но в то же время завораживающе. В музыке были драйв и энергия, как в вое волка или громе водопада, и, хотя я не понимала ни слова, я почувствовала просветление и невероятный подъем. Песня несла в себе ощущение иной реальности: надежды и отчаяния, грусти и радости, тьмы и экстаза. Она была чистая. Это был Борис.

Я была потрясена. Потрясена и охвачена почти тошнотворной смесью стыда и паники. Вот она я, приехала в своей идиотской самонадеянности, что эти задавленные русские рок-музыканты будут млеть передо мной, рок-звездой из «Студии 54». Какой же я была душой! Я вдруг поняла, что никакой я не художник, а просто глупая девчонка с ни на чем не основанными амбициями, сочинившая пару никчемных песенок о себе и своих одноклассниках. У Бориса в одной песне было больше таланта, чем во всех моих потугах. Как будто внезапная молния осветила для меня весь мир музыки, и я, наконец, ощутила, какая энергия таится в этой песне.

Когда мы стали собираться, Борис придвинулся ко мне и произнес: «Завтра мы играем подпольный концерт. Сумеешь выбраться? Было бы здорово, если бы ты пришла. Это не наша группа, а безумный экспериментальный состав, во главе с Сергеем Курёхиным¹¹, или "Капитаном", как мы его называем». В глазах у него опять появился игривый блеск.

– Что там будет, сказать совершенно невозможно, – с воодушевлением добавил Сева.

Конечно же, я хотела на этот концерт. Я чувствовала, что ничто другое не будет иметь смысла, пока я не смогу насытиться этой музыкой и побольше пообщаться с этими ребятами, жизнь которых проходит на совершенно другом, более глубинном, эзотерическом уровне.

На следующий день мы с Джуди опять сказали нашему гиду, что я больна и что Джуди придется остаться со мной. В восемь вечера у отеля нас встретила подруга Севы и Бориса. Увидев нас, она кивнула, что я поняла как указание следовать за нею. Мы старались вести себя как можно более незаметно, ни слова не говорили по-английски и держались максимально отстраненно. Краем глаза я поймала взгляд Джуди, и мы обменялись быстрыми улыбками.

Девушка привела нас к заброшенному старому дому с трещинами в стенах, покосившейся крышей и затемненными окнами. Мы вошли в комнату: вдоль кирпичной стены тянулись ржавые трубы, а окна были занавешены огромной черной тканью. В Лос-Анджелесе на двери такого здания красовалась бы огромная надпись: «Подлежит сносу»¹².

Главной отличительной чертой комнаты был ее огромный размер. На полу были расставлены штук сорок разномастных стульев, на всех сидели люди. Борис, обнимая корпус виолончели, пытался играть на ней, неуклюже, как вилку, сжимая в другой руке смычок. Еще несколько человек изо всех сил колотили барабанными палочками по чему попало, притоптывая в такт ногами. Один парень играл на неподключенной бас-гитаре, а Сергей пытался дирижировать, не выпуская из рук и изо рта саксофон. На переднем плане стояло странное устройство в виде стола с подвешенными к нему гириями и утюгами. Звучало оно, как заправский синтезатор.

Сергей Курёхин, в отличие от спокойных и сдержанных Севы и Бориса, был подвижен, как ребенок, полон света и в то же время озорного лукавства. Его безупречное лицо выглядело очень молодо, но было очевидно, что он мастерски контролирует все свое безумие. Звуки показались мне настолько эклектичными, что на минуту я засомневалась, можно ли их назвать музыкой. Однако со временем весь этот беспорядочный хаос превратился в нечто осязаемое и зажигающее, и я почувствовала, как это нечто заполняет мое естество. Это отчаянное экспериментаторство было самой чистой формой творчества и бытия, которую мне доводилось видеть в жизни.

Ленинград 80-х годов показался мне похожим на то, что я слышала о 60-х в Америке, времени, которое спустя несколько лет все вспоминали с блеском в глазах и непреходящим чувством эйфории. Это был один из лучших вечеров в моей жизни, и, воспроизводя сейчас его в памяти, я понимаю, что стала свидетелем чего-то в высшей степени ирреального. Мои новые друзья были невероятными музыкантами, но в первую очередь они были художниками, способными через живопись, танец, поэзию и другие искусства выражать самые напряженные и интимные переживания. Они нашли способ заполнить долгие пустые дни своего коммунистического быта своеобразным непрямым протестом, тесно связавшим всех участников этого процесса чувством солидарности. Мы с Джуди посмотрели друг на друга и поняли, что нам надо зафиксировать этот момент и это восприятие мира. В течение следующих нескольких лет

¹¹ Сергей Курёхин (1954–1996) – музыкант, композитор, режиссер, актер, политический деятель, создатель и лидер знаменитого оркестра «Популярная Механика», автор легендарной телевизионной провокации «Ленин-гриб», одна из самых ярких фигур российской культуры 80–90-х годов, в первой половине 80-х годов активно сотрудничал с «Аквариумом».

¹² Концерт проходил в квартире подлежащего капремонту здания на улице Петра Лаврова (ныне Фурштатская). Квартира была предоставлена для собраний объединения неофициальных литераторов «Клуб-81», с которым тесно сотрудничал Сергей Курёхин.

мы усиленно фотографировали, снимали на видео концерты и акции наших друзей, брали у них интервью. Если Москва была медвежьим логовом, то задвинутая куда-то в мрачные улицы и дома андеграундная сцена Ленинграда – эпицентром бури, захватившей нас настолько мощным электричеством и энергией, что избежать ее не было никакой возможности.

Глава 3

Первое расставание

После концерта Сева и Борис повели меня к своему старому приятелю Коле Васину, известному как «Человек-Битлз». В его комнате в коммунальной квартире¹³ хранилось, наверное, больше тысячи самых разных связанных с «Битлз» предметов: огромные плакаты, оригинальные пластинки в ярких конвертах, купить которые даже спустя двадцать лет после их выхода на Западе можно было все еще только на черном рынке, значки и магниты с изображением четырех всемирно известных лиц – открытых, живых, готовых запеть на том самом языке, говорить на котором нам с Джуди здесь было, в общем-то, запрещено. Ничего подобного я никогда в жизни не видела, как никогда не встречала человека, столь беззаветно преданного своей страсти. С горящими глазами Коля рассказал нам, что каждый год отправляет Джону Леннону поздравительную телеграмму ко дню рождения и однажды даже получил в ответ пластинку с автографами Джона и Йоко.

Внешний вид Коли не имел ничего общего с тем обликом, который нарисовало мне воображение, когда мне рассказали о «Человеке-Битлз». Огромный здоровяк с темной всклокоченной бородой и усами, за которыми пряталась обворожительная улыбка. Весь его запас английских слов и фраз ограничивался тем, что он почерпнул из текстов песен «Битлз», и именно так строился наш разговор, пока он подавал на стол горячую еду и до краев наполнял стаканы.

– Спасибо за ужин, Коля! – говорила я.

– Джонни! – восклицал он, произнося мое имя так, как его воспринимали многие русские. – All you need is love!

– Именно так, Коля! Мне ужасно понравился твой ужин.

– Джонни! I am the walrus! – отвечал он.

– Да, Коля, ты морж!

Он протянул мне сделанный им собственноручно огромный красочный альбом, посвященный жизни Джона Леннона, и жестом изобразил в воздухе нечто вроде подписи. Перелистывая альбом, я поняла, что на незаполненных чистых страницах все гости своим почерком пишут имя «Джон Леннон». Он радостно, как ребенок, улыбнулся, увидев мою подпись.

Сергей Курёхин тоже был в тот вечер у Васина. В те первые дни моего пребывания в Ленинграде Сергей неизменно проводил время со мной и с Борисом. Помогало нам в общении то, что, как и я, он не курил и не употреблял никакие наркотики – редкость в этом кругу. Он не был бы русским, если бы не пил, – но этим его пороки ограничивались. Меня привлекали в первую очередь его неистощимая энергия и заразительный энтузиазм.

«Джо!» – начинал он, строя смешную рожицу, а затем что-то выкрикивал или бурчал, стараясь выразить свою мысль. Даже с учетом языкового барьера он был чуть ли не самый яркий человек, которого я встречала в жизни.

Сергей был гений. Он это знал, и все это знали. Музыкальные идеи роились у него в голове, как пчелы в улье. Ногой он постоянно отбивал ритм, а пальцы у него беспрестанно двигались, как бы совершая неостановимый бег по воображаемой клавиатуре. Когда он спал, я не знаю. Ни в какие привычные рамки и определения он не вписывался: официальные рок-музыканты, группы из андеграунда, классические исполнители, джазмены, музыкальные критики, да и вся интеллигенция любили и уважали Сергея Курёхина. Тот вечер, когда мы познакомились, остается одним из главных дней моей жизни, заполненным умопомрачительными

¹³ Созданный еще в 60-е годы Колей Васиным (1945–2018) у себя дома музей «Битлз» сегодня под названием «Храм любви, мира и музыки имени Джона Леннона» располагается во дворе Арт-центра «Пушкинская-10» по адресу Лиговский проспект, 53.

выходками и незабываемыми впечатлениями. Когда мы с Джуди готовились уходить, «Человек-Битлз» одарил меня сияющей улыбкой: «Strawberry fields forever, Джонни!»

На следующий день нам нужно было улетать, но я не могла сесть в самолет, еще раз не повидавшись с Борисом. Мы опять договорились встретиться на улице, смешавшись с толпой трудового люда, и он повел меня к себе домой. Жил он в самом центре города, на последнем этаже старого здания, и подниматься на этот последний этаж нужно было по длинной, казавшейся нескончаемой чередой лестничных пролетов. Он взлетал по лестнице, как ангел, пока я отчаянно пыталась за ним угнаться, запыхавшись и все время стряхивая нависавшую на глаза платиновую прядь волос. Лестничная стена на всем бесконечном протяжении была разукрашена тысячами рисунков, надписей, черных, желтых и красных портретов и обращенных к гуру рок-н-ролла стихов. На некоторых площадках стояли с гитарами и пели песни поклонники. Как только дверь в квартиру распахнулась, из кухни по своим комнатам врассыпную ринулась кучка людей. Остался только один человек, чье лицо мне было уже знакомо: Сева.

– Это коммунальная квартира, – пояснил Борис. – Отдельную получить очень трудно, особенно в центре, поэтому многие живут вот так, все вместе.

– А почему они все разбежались?

– Общаться с иностранцами нежелательно, но если они у себя в комнате, то они тебя как бы и не видели. У них таким образом как бы появляется алиби. Но можно не сомневаться, что, как только ты уйдешь, сюда наведается КГБ.

Я старалась не думать о том, что мне сказал Борис, пока он разливал чай и ставил на стол печенье. Он опять закурил папиросу. Обычно я не выношу табачный дым, но тут меня это почему-то совершенно не беспокоило. Я почувствовала вдруг, что глубоко вдыхаю, стараясь запечатлеть терпкий запах у себя в мозгу, – точно так же, как и голос Бориса.

– Пару месяцев назад, – начал тем временем он, – здесь был банкир-американец, который говорил, что работает с Дэвидом Боуи. Он увез с собой кое-какие мои записи, и вроде Боуи их послушал, и они даже ему понравились. Он спросил меня, может ли Боуи купить и передать мне что-нибудь необходимое. Могла бы ты с ним связаться?

– Попробую. У тебя есть его номер?

Борис дал мне номер телефона.

– Я обязательно хочу приехать еще, – сказала я. – Я думаю, что у тебя невероятный дар. В Америке должны услышать твою музыку, и я хочу тебе помочь. Если я приеду, что тебе привезти?

– Многие говорят, что приедут, а потом об этом забывают, – пожал плечами Сева.

– Я приеду, – твердо сказала я. На самом деле больше ни о чем я и думать не могла. Я еще не успела уехать, но уже начала планировать следующий приезд. Короткие встречи с этими музыкантами, грубоватое, но столь очаровательное сердце этого города вдруг открылись для меня как что-то, о существовании чего, живя дома, я и не подозревала, как и не могла предположить, насколько мне будет не хватать всего этого дома. До этого момента я готова была плыть по жизни без какого бы то ни было стержня или якоря, но тут вдруг мне стало ясно, что меня уже слишком далеко занесло на этом несущемся вниз без тормозов лифте. Эти ребята, со своими невероятными по силе духом и талантом, – мое спасение. Впервые за долгое время я увидела перед собой новую ясную цель: питавшее их вдохновение побудит и меня вернуться к тому месту, где я смогу понять, что такое быть человеком и, следовательно, быть самой собой. К черту лифт без тормозов – я хотела обеими ногами стать в славянский снег.

В то утро, выходя из отеля на встречу с Борисом, я подумала, что хорошо было бы подарить ему что-то американское, что напоминало бы ему обо мне, пока меня не будет. Какой-нибудь западный алкоголь? На полке у него в кухне стояла целая шеренга ярких бутылок, уже опустошенных. Плакат Боба Дилана у него и так уже висит на стене. Что бы можно было ему дать, чего у него нет? Я вспомнила его слова о том, что он никогда не видел красных кроссовок

Converse All Stars, как у меня, или моих мешковатых джинсов, с карманами такими огромными, что туда можно было вместить целый оркестр. Кроссовки наверняка будут слишком малы, но все равно я принесла их с собой. Он не без труда втиснулся в них, затянув белые шнурки. Затем ту же процедуру он проделал с джинсами.

– Идеально, как влитые! – сказал он. Он еще не знал, что через несколько лет он сам станет для меня образцом моды и стиля. Вслед за ним я влезу в излюбленные им полосатые футболки¹⁴, а на пальцах у меня появятся причудливые серебряные кольца с крупными камнями. Борис был воплощенная богема и напоминал мне о свободе открытого пространства океана, которое мне предстоит преодолевать, чтобы вновь к нему возвращаться.

– Ты так мне и не сказал, что тебе привезти, когда я приеду в следующий раз. И что мне попросить для тебя у Боуи?

– Красный Fender Stratocaster, такого же цвета, как эти кроссовки, – ответил он мгновенно, как будто всю жизнь думал о том, что, собственно, ему нужно, а когда я пообещала передать просьбу, лицо его просияло.

Я попросила Бориса об интервью – прямо на мой плеер – перед отъездом. Это стало первым из многочисленных интервью в течение ближайших нескольких лет, и фрагменты его я привожу в этой книге.

Прежде чем попрощаться, Борис предложил сводить меня в церковь. Была православная Пасха, Борис формально человек православный, а по духу – проповедник терпимости, желательного отношения и знания всех религий. Моя мать была католичка, а отец воспитывался и рос в иудейской семье. Я росла в религиозном тупике, в результате чего у меня сформировалась подозрительность и невосприимчивость к способности любой религии как-либо исцелять или мотивировать человека. Тем не менее я согласилась. Религия в СССР была под полузапретом, но, как и ко многим другому, официальное отношение к ней было терпимое. Стоя у мягкого оранжевого цвета церковного здания вместе с Борисом и Севой, я видела в их глазах сомнение. Борис не мог представить себе, что, удаляясь от них и глядя на него в моих джинсах, моих кроссовках и с банданой на голове, я вдруг почувствовала, что обрела наконец веру. Он был свет, и, как всякое здравомыслящее, подчиняющееся чувству существо, я хотела следовать за этим светом.

Так это началось. В течение следующих двенадцати лет Россия стала моей жизнью. Я сдержала обещание и приезжала туда вновь и вновь. Я, наверное, стала первым гостем из Америки, который доказал Борису и Севе, что они неправы в своих сомнениях.

ПЕРВОЕ ИНТЕРВЬЮ

Джоанна: Как появилась ваша группа?

Борис: Группу мы вместе с моим школьным другом¹⁵ основали в 1972 году. У нас не было настоящих инструментов, не говоря уже об усилителях, но нас это мало волновало. Мы начали писать собственные песни и поняли, что нам нужна группа. Вокруг нас стали появляться какие-то люди, в том числе и музыканты, – так это все и случилось. Никто никого ни о чем не просил – просто друзья, друзья друзей умели играть, и так у нас собрались приличные музыканты.

Джоанна: Кто пишет песни?

Борис: На 99% песни мои, но аранжируем их мы все вместе. Я приношу идею – играю тему, мелодию, предлагаю тот или иной вариант, затем мы начинаем репетировать – когда мы репетируем. Хотя обычно мы не репетируем.

¹⁴ Речь идет о флотских тельняшках – излюбленном одеянии группы художников «Митьки», с которыми в 80-е годы тесно дружил и сотрудничал «Аквариум».

¹⁵ Анатолий «Джордж» Гуницкий (р. 1953) – сооснователь вместе с Борисом Гребенщиковым группы «Аквариум», автор многочисленных текстов к песням группы, особенно раннего ее периода, известный поэт, драматург, рок-журналист и критик.

Джоанна: Ты бы уехал из страны, если бы была такая возможность?

Борис: Мне кажется, то, что я делаю здесь, нужно людям. Им нужно то, что мы делаем, и если мы не будем этого делать, то этого не будет делать никто. Мы только сейчас начинаем создавать для себя место в структуре общества. Очень жаль, что раньше для таких, как мы, такого места не было. Раньше было как: ты либо подстраиваешься под то, как живут и как существуют остальные, либо остаешься верен своим принципам, делаешь то, что хочешь и что считаешь нужным, но тебя никто не слышит. Сейчас мы растем, и вместо того, чтобы останавливать нас, – хотя, хм, остановить нас они могут в любую минуту...

Джоанна: Как?

Борис: Они могут посадить нас в тюрьму или еще что-то в таком же духе, хотя сейчас уже это маловероятно. Они были бы не прочь, если бы у них появилась причина это сделать, но причины нет. И все же мы делаем нечто абсолютно противоположное тому, что существует в официальной культуре. Лет 15 назад такое было бы невозможно.

Джоанна: А почему это стало возможно сейчас?

Борис: Потому что никто толком не понимает, что происходит. Никто не знает, какой будет следующая официальная линия в искусстве, поэтому на всякий случай они позволяют существовать всему понемногу. Но мы не хотим ограничиваться немногим, мы хотим расти все больше и больше.

Джоанна: Как люди могут услышать вашу музыку?

Борис: Мы были одной из первых групп в России, которая стала записывать собственную музыку и издавать ее на магнитной ленте. Магнитофоны в стране есть почти у всех. В 1980 году мы стали записывать альбомы и делать для них специальные обложки¹⁶. Каждая пленка, которую я кому-то дарю или продаю, переписывается и переписывается, и таким образом музыка распространяется по всей стране. Я сейчас получаю письма со всей страны, даже из таких отдаленных мест, как Хабаровск в Восточной Сибири или Владивосток на Тихом океане. Люди слушают нашу музыку, особенно молодежь. О нас знают все больше и больше, и мне ужасно интересно, куда в конечном счете приведет нас эта игра, потому что на самом деле это игра. Мы делаем свое дело, а власти, с одной стороны, пытаются нас приглушить, с другой – привлечь к сотрудничеству. Власть не представляет собой больше единое целое, и у нее нет единого мнения ни по одному вопросу. У нас есть сторонники, есть и противники. До сих пор мы умудрялись как-то выживать, и это ужасно забавно – сейчас мы превращаемся в настоящих рок-звезд: мы популярны, у нас просят автографы, с нами фотографируются, но никаких денег мы по-прежнему не получаем.

Джоанна: Это представляет для вас проблему?

Борис: Не то чтобы уж очень. Если начинаешь думать о деньгах, то перестаешь думать о том, что ты делаешь. Мы как-то вырыли себе нишу в этой стене и умудряемся в ней выживать.

Джоанна: А как обстоит дело с концертами? Где вы играете и как это все организовано?

Борис: У нас теперь, последние пару лет, есть довольно забавная организация. Называется она рок-клуб¹⁷. Входят в нее только любительские, самодеятельные группы, и она пользуется поддержкой КГБ¹⁸.

Джоанна: Пользуется поддержкой КГБ?!

¹⁶ С момента начала записи полноценных магнитоальбомов и вплоть до того, как их уже в перестроечные годы стало возможно издавать на промышленных носителях (LP, CD), «Аквариум» и вслед за ним другие группы ленинградского рока «издавали» их на магнитной ленте, на коробки с которой наклеивались специально сделанные для данного альбома концептуальные художественные фотографии. Автором фотографий чаще всего выступал фотохудожник Андрей «Вилли» Усов.

¹⁷ Ленинградский рок-клуб был создан на основе Ленинградского межсоюзного дома самодеятельного творчества 7 марта 1981 г.

¹⁸ В 1981 году одновременно с рок-клубом были созданы под кураторством Комитета государственной безопасности Ленинграда еще два полуофициальных самодеятельных объединения прежде неофициальных литераторов и художников – соответственно, Клуб-81 и Товарищество экспериментального изобразительного искусства (ТЭИИ).

Борис: Да, но, конечно, неофициально. Это своего рода профсоюз непрофессиональных рок-музыкантов. Все профессионалы здесь играют полное дерьмо – стопроцентное дерьмо, ну а непрофессионалы пытаются экспериментировать.

Джоанна: Ну и что же делает рок-клуб?

Борис: Они выдают разрешение выступать. Для каждого выступления нужно заполнить кучу бумаг, и тогда нам дают разрешение. Но, по крайней мере, мы можем играть. В рок-клубе также можно взять на концерт инструменты, хотя что-нибудь стоящее получить там почти невозможно.

Джоанна: Вы должны представлять тексты песен на утверждение?

Борис: Конечно! Их все проверяют. Но, опять-таки, система работает очень забавно. Они обращают внимание только на тексты. Музыку можно играть какую угодно.

Джоанна: А что произойдет, если вы представите им тексты, они их утвердят, а потом во время концерта вы споете что-то совершенно другое?

Борис: Я делаю так постоянно.

Джоанна: И что происходит?

Борис: По-разному. Но чаще всего никто просто не обращает внимания.

Джоанна: А люди из КГБ присутствуют на концертах?

Борис: Ну да, конечно.

Джоанна: Ну а ребята из публики, они их не боятся? Они могут танцевать или как-то иначе бурно реагировать на музыку?

Борис: Они могут реагировать, но только оставаясь на своих местах. В противном случае к ним подойдет администратор, или милиционер, или еще кто-нибудь, и их могут вывести из зала.

Джоанна: Сколько человек обычно на концерте?

Борис: Человек 300-400. Иногда больше.

Джоанна: А как зрители узнают о концертах?

Борис: Сарафанное радио.

Джоанна: Концерты бесплатные?

Борис: Нет. Организация, которая предоставляет место для концертов, продает билеты и получает всю прибыль¹⁹. Мы не получаем ничего, так как мы не признаны официально.

Джоанна: А вы обязаны организовывать свои концерты через рок-клуб?

Борис: Да, именно так. Но иногда мы проводим подпольные концерты.

Джоанна: Что такое подпольные концерты?

Борис: Не в зале, а у кого-то дома или что-то в таком духе.

Джоанна: Вы можете играть в других городах?

Борис: В принципе, мы можем играть где угодно.

Джоанна: То есть игра, о которой ты говоришь – что вы пытаетесь стать все больше и больше, – смысл ее в том, чтобы понять, что, собственно, произойдет, когда вы станете по-настоящему большими. Либо они попытаются вас прижать, либо...

Борис: Они попытаются нас купить.

Джоанна: Купить деньгами?

Борис: Ага.

Джоанна: Чтобы вы перестали играть?

Борис: Нет. Чтобы мы начали играть то, что их будет устраивать. Многие наши друзья, которые раньше были андеграундными группами, получили приглашение от официальных организаций, стали официальными музыкантами и играют музыку, которая устраивает власти.

Джоанна: Вашу почту читают?

¹⁹ Гребенщиков здесь не совсем точен. На самом деле в первые годы существования рок-клуба билеты были бесплатные.

Борис: Время от времени. Время от времени они могут сделать всё. Иногда они проверяют, иногда нет, иногда письма до меня просто не доходят. Все это абсолютно непредсказуемо. Они совершенно непредсказуемы.

Джоанна: Твой телефон прослушивают?

Борис: У меня телефона больше нет, но телефон моей матери прослушивают.

Джоанна: А новые группы появляются?

Борис: Да, и если десять лет назад все довольствовались тем, что слушали западный рок и старались его копировать, то теперь люди все больше понимают, что они могут петь по-русски и записывать свою собственную музыку. И хотя качество оставляет желать лучшего, все равно это записывается. 10 лет назад об этом никто не смел думать или даже мечтать. Сейчас во всех городах России люди начинают записывать свою музыку и распространять ее среди слушателей. Я слышал группы из самых невообразимых мест в Сибири. Музыка у них не всегда оригинальная, но они пытаются делать что-то свое, и качество растет. Десять лет назад вопрос стоял о том, чтобы десять групп из Москвы и Ленинграда могли попасть в систему и стать профессионалами, – то есть получить профессиональный статус и начать зарабатывать деньги. Сейчас это больше никого не волнует. Все играют и все записываются. Ситуация напоминает то, что происходило в Англии в 1976-1977 годах²⁰. Все понимают, что они могут делать то, что хотят. Все это довольно забавно, так как из этого может вырасти много хорошего. Человек начинает слушать музыку, затем начинает играть и пытается подражать тому, что он слушает, затем начинает создавать что-то свое. Начинает выступать перед все большим и большим количеством людей. Имя его становится все более и более известным, он заряжается энергией от публики и начинает думать о том, что он из себя представляет, каков его образ, начинает думать о себе. Обычно люди не думают, они делают то, что им положено делать. А я надеюсь, что процесс создания музыки изменит их способ мышления. Раньше они просто пытались подражать. У вас были хиппи, и у нас появились хиппи, у вас были панки, и у нас появились панки. Но я считаю, что это может измениться, что молодые люди будут пытаться понять, что они, собственно, из себя представляют, что они хотят делать в жизни, как они хотят это делать. Они таким образом откроют себя для самих себя – и начнут жить! Вот на что я надеюсь – пробудить их, освободить их для их же собственной жизни.

Джоанна: Ты сказал, что КГБ предлагает деньги андеграундным группам, понуждая их играть «правильную» музыку...

Борис: Понимаешь, КГБ в данный момент лучшая официальная организация в этой стране, в том смысле, что они знают всё, что происходит, и понимают, что происходить это будет так или иначе. И сейчас, пока это остается на полуофициальном уровне, они могут хоть немного это контролировать. И что на самом деле в интересах страны позволить всей этой молодой музыке и молодой энергии выплеснуться. Потому что страна задавлена, никто ничего не хочет делать – ни рабочие, ни правительство, никто. Никто ничего не хочет, а молодые люди начинают понимать, что они чего-то хотят, они хотят кем-то стать, они не хотят всю свою жизнь пребывать в забвении – каждый вечер напиваться, каждое утро идти на работу, и так день за днем, день за днем. А причина такой ситуации в том, что наверху никто не хочет ничего менять. Они с удовольствием доживут так свои дни – жизнь у них хорошая, все они наверху. Они хотят жить так же, как жили всегда. Они не хотят никаких перемен. Но кое-кто в КГБ и в других организациях начинает понимать, что это не лучший способ руководить и что, может быть, есть способ получше. Когда будешь текст редактировать, постарайся не упоминать КГБ так часто.

Джоанна: Потому что они ведут себя нормально и стараются помочь?

²⁰ БГ имеет в виду вызванный панком невероятный всплеск независимых фирм грамзаписи в Британии во второй половине 70-х годов.

Борис: Да нет, конечно, они не ведут себя нормально. Везде одно и то же дерьмо.

Джоанна: Наверное, потому, что сейчас они ведут себя так, будто стараются помочь, а потом вдруг опять начнут давить.

Борис: Все зависит от того, кто сейчас наверху. КГБ совершенно не думает о том, как нам помочь. Они просто пока не мешают. Контроль – это единственное, что их интересует. Знать, что происходит: кто что говорит, кто что думает и кто что делает.

Джоанна: Но что будет, когда все это слишком разрастется?

Борис: Они всегда могут человека убрать – так или иначе.

Джоанна: Ну а что будет с «Аквариумом»? Вы самые известные – что с вами будет?

Борис: Я не знаю, что с нами будет, – это всегда непредсказуемо. Сейчас пока нас хотят включить в систему. Пытаются с нами ужиться, потому что если нас убрать, то многим молодым людям это сильно не понравится, и они уже начнут делать вещи и вовсе наперекор желанию властей. Вот они и пытаются через нас как-то контролировать молодежь, потому что пока наши желания совпадают. Они хотят, чтобы не трогали их священных коров. Чтобы не пели о политике и не употребляли нецензурных слов. Чтобы мы вели себя тихо. Вы делайте что хотите, и мы вас не тронем. Только делайте то-то и то-то.

Джоанна: Ну и как, легко вам делать то-то и то-то?

Борис: Пока легко, потому что я и так к таким вещам и близко не подхожу и не хочу подходить. Я совершенно не хочу втягиваться во все это политическое дерьмо, как это делали многие до меня. Никакого удовлетворения им это не принесло, потому что легко завоевать популярность, заигрывая с политикой: Восток, Запад и тому подобное. Прославиться можно мгновенно. И что дальше? Неделю тебя послушают, а потом забудут, так как все знают, что ничего все равно не изменится. Как бы то ни было, о политике мы петь не будем – чем меньше ты о ней думаешь, тем меньше она тебя касается. Я хочу, чтобы молодые люди жили вне всего этого.

Джоанна: То есть для тебя главное музыка, а не политика?

Борис: Не столько даже музыка. Музыка – лишь способ выразить то, что я хочу сказать. Слово это затасканное, но мне хочется выразить нечто духовное – чувства, сердце, искренность. Меня интересует исключительно возможность передать это людям, убедить их в том, что они способны на чувство, на искренность, на духовность. И что у тебя может быть Бог.

Джоанна: В Москве, где я провела несколько дней, прежде чем приехала к вам в Ленинград, меня поразило, насколько безжизненно, как автоматы, ведут себя люди. Это что, только на улице так? В семье люди проявляют эмоции?

Борис: За закрытыми дверями жизнь такая же, как и везде в мире. Люди делают все, что можно, и все, что нельзя. Только на улице, где ты знаешь, что за любой неверный шаг тебя могут арестовать или обыскать, ты ведешь себя осторожно и потому безжизненно.

Джоанна: Ну а, например, в отель к нам ты можешь зайти? Мы, когда заходим, должны предъявить карту гостя.

Борис: Если ты одет по-западному, чувствуешь себя уверенно и просто проходишь, то тебя не остановят.

Джоанна: Когда ты работал сторожем, это как получилось? Они тебе сказали: «Ты должен работать, и вот какую работу мы тебе даем», так, что ли?

Борис: Я тогда работал математиком в социологическом институте, группа съездила на выходные на фестиваль, где нас окрестили первой панк-группой в России. Нас вышвырнули из фестиваля, и, когда я вернулся в Ленинград, меня уволили с работы²¹.

²¹ Речь идет о фестивале «Весенние ритмы. Тбилиси-80» – первом официальном рок-фестивале в СССР. Инспирированное панк-роком выступление «Аквариума» вызвало бурный скандал, возмущенное жюри покинуло зал, а в Ленинград отправились гневные письма с обвинениями в адрес «Аквариума». В результате Гребенщиков был исключен из комсомола и уволен с работы.

Джоанна: Они объяснили это твоим участием в группе?

Борис: Да, по всем адресам было разослано письмо, в котором говорилось, что группа «Аквариум» играет антисоветские произведения, что они вырожда советской музыки и враги народа номер один. Когда меня уволили, я стал свободным человеком и чувствую себя с тех пор прекрасно.

Джоанна: Когда мы ехали сюда, нам говорили, что едем мы вовсе не для того, чтобы общаться с русскими, потому что их соседи или знакомые донесут на них властям и у них будут неприятности. Это правда?

Борис: Да, мои соседи половину времени регулярно докладывают в милицию, что ко мне приходят американцы, а вторую половину времени просят у меня записи, чтобы послушать мою музыку.

Джоанна: На черном рынке можно все купить?

Борис: Если есть деньги, купить можно что угодно: джинсы, видеоаппаратуру, все что хочешь.

Джоанна: Есть ли способ для тебя приехать в Америку?

Борис: Абсолютно нет. Сейчас отношения между нашими странами плохие, но думаю, что и в лучшие времена меня не выпустили бы.

Джоанна: Я слышала, что каждый молодой человек в СССР должен прослужить в армии два года. Ты был в армии?

Борис: Я в то время учился в университете и по окончании его получил звание офицера. Однако вот уже три-четыре года они пытаются меня призвать. Многие наши друзья не служили, отговариваются всевозможными болезнями – реальными и вымышленными.

Джоанна: То есть отговориться довольно легко?

Борис: Нет, совсем не легко. Нужно пройти кучу обследований, лечиться в психбольницу или нечто подобное.

Джоанна: Материальные блага тебя, похоже, не сильно волнуют. Это потому, что здесь почти нечего покупать, или потому, что у тебя мало денег?

Борис: Нет, если у тебя есть деньги, купить здесь ты можешь все что угодно. Но если все свои силы и энергию тратить на зарабатывание денег, то ни на что больше их не останется. Если больше всего на свете тебя интересуют деньги, то у тебя и не будет ничего кроме денег, потому что, когда ты захочешь сделать что-то с этими деньгами, то увидишь, что сил и желаний у тебя больше не осталось. Мне не нужно думать о деньгах, как-то так получается, что все, что мне нужно, люди просто дают мне.

Джоанна: Есть ли среди рок-музыкантов или рок-вокалистов девушки?

Борис: Нет, но я хотел бы, чтобы были. У нас тут пока еще всё очень старомодно.

Джоанна: Может быть, ты станешь первым знаменитым русским рок-певцом в Америке?

Борис: Слава меня не очень интересует. Я хотел бы убрать границы во всем мире. Я просто хочу быть человеком.

Глава 4

Back in the USSR

Мой самолет еще не успел приземлиться в лос-анджелесском аэропорту, а я уже начала строить планы о возвращении в Советский Союз. Как одержимый миссионер, я носилась по пляжам и холмам Голливуда, рассказывая всем, кто был готов слушать, об этих невероятных, изменивших мою жизнь музыкантах. В том, что я поеду туда опять, я не сомневалась, правда, как это сделать, понятия пока не имела. В середине 1984 года Горбачева с гласностью и перестройкой нужно было ждать еще пару лет, поэтому я не могла просто прыгнуть в ближайший «Боинг» компании British Airways. Нужно было искать еще одну образовательную поездку, и нужно было копить на нее деньги.

Я пошла работать в турбюро, решив, что так я смогу убить сразу двух зайцев: зарабатывать деньги, в то же время получать информацию обо всех держащих курс в СССР турпоездках. Наконец одна нашлась, и я тут же в нее записалась. Я сидела за офисным столом, прячась за огромным старым компьютером, стопками замасленных пластиковых туристических проспектов, и представляла себе выражение лиц Бориса и Севы, когда я вновь предстану у них перед глазами. Они говорили, что никто не возвращается. Но они и не встречали еще такого человека, как я.

Я попыталась дозвониться до Севы и попросить его передать Борису, что я приезжаю. Но не успели мы сказать и несколько слов друг другу, как связь прервалась. Сколько я ни пыталась набирать его номер, линия все время была занята. Через несколько дней у меня самой раздался телефонный звонок.

– Добрый день, я звоню из Нью-Йорка, – сказал женский голос с сильным русским акцентом.

– Кто вы? – спрашиваю я.

– Я только что приехала из России.

– Прекрасно! А зовут вас как?

– Борис ждет вашего возвращения. – Она говорила так, будто и не слышит моих вопросов. – Возьмите ручку и запишите адрес.

Вот так просто. Она была немногословна, но я уже начала понимать, что в Советском Союзе такие мелочи значения не имеют. Стоило мне оторвать руки от руля, как план самым чудодейственным образом начал складываться сам по себе. Для такого человека, как я, привыкшего обеими руками крепко держаться за руль, это было непривычно.

Я раскопала у себя в записях номер телефона Лютера Гриббла, банкира из окружения Дэвида Боуи, с которым когда-то встречался Борис. Он связал меня с менеджерами Боуи в Нью-Йорке, и, увидев мои фотографии и услышав новые записи Бориса, Боуи согласился купить для него вожаемый красный Fender Stratocaster! Если у меня и было ощущение, что я выпала из Страны Чудес, Боуи оказался тем самым волшебником, который помогал мне вновь туда попасть. Он казался существом совершенно нереальным, но в то же время подписал для Бориса свой плакат: классическая большая «В» с закорючкой поверх таинственного, фантазмагорического лица.

Образовательный тур, в который я вписалась, стартовал из Лондона, где мы вновь встретились с Джуди. Моя сестра, милейшее существо с чистыми глазами и благоговейным отношением к миру, пребывала в вечном поиске. Она была по уши погружена во всевозможную эзотерику: ясновидение, астрология, самопомощь и медитация. Какой-то астролог предназначал ей, что все ее планеты находятся на воде и на земле, и ей нужно быть с людьми, чьи планеты в огне. Недолго думая, она принесла астрологу мою фотографию и тут же услышала, что я

и есть тот человек, планета которого пылает особой сильной энергией, что окажет на Джуди позитивное влияние.

«У меня не было ни какого-то своего пути, ни особой цели в жизни», – объясняла она уже недавно, когда я спросила у нее, почему она была моей опорой все эти годы. «У тебя было такое четкое видение и такая страсть, что я решила, что мне лучше поддержать тебя». Ей больше ничего не было нужно – просто помогать мне во всем, что я делаю, даже если это означало втиснуться в среднее сиденье самолета и лететь неизвестно куда три часа, давась дешевой аэрофлотовской едой.

В зале прибытия нас опять встретили холодное мерцание флуоресцентных ламп и шеренга таможенников в темно-синей форме и фуражках. На этот раз меня не волновала пропажа губной помады или тампонов, но из-за красного Stratocaster'a я сильно нервничала. Они проверили мои чемоданы и, разумеется, заинтересовались гитарой.

– Это моя гитара, и после поездки в Москву и Ленинград я лечу в Париж, где у меня концерт. Если вы отберете гитару, я не смогу выступать, и очень многие люди будут сильно расстроены, – тараторила я, чувствуя нервную дрожь в руках и спине.

Таможенники не обращали на меня внимания и пригласили еще нескольких инспекторов.

– Нет, ну правда, она на самом деле мне нужна, не отнимайте ее, пожалуйста. Это очень ценная для меня вещь, это мой инструмент, им я зарабатываю себе на жизнь, и, как я уже сказала, на следующей неделе в Париже у меня важнейший концерт. Вы слышите, что я вам говорю?

Шесть или семь таможенников продолжали осматривать инструмент, тихо переговариваясь и по-прежнему не обращая на меня никакого внимания. Выглядели они как медведи, довольно урчащие в предвкушении сытного обеда. Наконец они потянулись за таможенной декларацией, которую мне вручили еще в самолете. Я отдала им бумагу. На оборотной стороне они стали записывать подробно все данные гитары, вплоть до серийного номера.

– При выезде, – сказал старший из них, – предъявите гитару. Иначе не выпустим. Ясно: что въезжает – то же должно и выехать.

Я энергично закивала головой, пытаюсь в то же время лихорадочно соображать: как я смогу выехать из страны без гитары? Мысль эта неотступно преследовала меня по дороге в отель, где мы с Джуди тут же сказали гиду, что устали с дороги и на дневную экскурсию не поедem. Через час мы как можно более незаметно выскользнули из отеля, таща за собой огромный черный футляр с гитарой. Мы прошли несколько кварталов, прежде чем решились спросить у кого-то о дороге. Мне казалось, что с гитарой в руках я выгляжу ужасно подозрительно, и, стоило кому-то бросить на нас взгляд, я была уверена, что это человек из КГБ, и мы с Джуди тут же переходили на другую сторону улицы или заворачивали за угол. К тому времени, когда мы наконец нашли дом Бориса и, карабкаясь по бесконечной лестнице с тяжеленным футляром в руках, добрались до его квартиры под крышей, единственная моя мысль о гитаре была: нет, больше эту штуку я за собой тащить в аэропорт не буду. Как угодно, но я ее здесь оставляю.

Борис открыл дверь, улыбаясь, будто он так и ждал нас у себя все эти четыре месяца: в тех же джинсах, что я подарила ему в первый приезд, и в бежевом свитере. «Джо, Джуди, добро пожаловать, проходите». Мы обнялись, переобулись в домашние тапочки и проследовали за Борисом в комнату, где увидели Севу, Сергея Курёхина и еще три новых лица, которыми, как я вскоре узнала, были Африка²², Тимур²³ и Алекс²⁴.

²² Сергей Бугаев «Африка» (1966) – музыкант, художник, актер, активный член ленинградской андеграундной тусовки 80-х годов. Снялся в главной роли в фильме Сергея Соловьева «Асса» (1986).

²³ Тимур Новиков (1958 – 2002) – ленинградско-петербургский художник, создатель художественной группы «Новые художники», основатель Новой Академии изящных искусств, автор визуальной концепции концертов «Кино», активный участник «Поп-Механики». Одна из ключевых фигур ленинградско-петербургского андеграунда 80-90-х годов.

Мы сели за стол, традиционно накрытый чаем и печеньем, и я протянула Борису футляр с гитарой. Он открыл его и тут же замер с ангельским выражением лица, не способный осознать, что, собственно, происходит.

– Это тебе, – торжественно говорю ему я. – Красный Fender Stratocaster, как ты и просил. Подарок от Дэвида Боуи.

– Да ты что! Правда?!

– Я же говорила тебе, что вернусь.

– Да, но я не думал, что ты серьезно... Да и я не так уж серьезно просил тебя об этом.

– Борис, я сама этого хотела. Мне нравится, что я могу помочь тебе делать твою музыку.

– Спасибо, – сказал он тихим голосом.

Новость о моем возвращении быстро распространилась среди друзей Бориса, и по мере нашего разговора в тесную темную кухню постепенно просачивались новые, незнакомые мне люди, пока окна наконец полностью не запотели от дыхания. Они сгрудились вокруг нас, а точнее, вокруг гитары. И хотя о чем они говорят, я не понимала, очевиден был тот благоговейный трепет, с которым они осматривали и ощупывали корпус, гриф, колки.

– Да, вот еще плакат Дэвида Боуи с автографом, – сказала я, расстелив огромный лист бумаги на крохотном, покосившемся столе.

– Ага, – сказал Борис. – Потрясающе!

– Я могу и дальше привозить разные штуки, которые вам здесь не добыть, – сказала я с воодушевлением. Затем перевела взгляд на гитару и выдержала паузу. – Но тут есть проблема. Таможенники записали все данные гитары на обратной стороне моей таможенной декларации. Вот, посмотрите, все до мелочей, даже серийный номер.

– Асса, е-е, нет проблем, – провозгласил молодой парнишка, которого мне представили по имени Африка. На вид ему было не больше восемнадцати: светлые волосы, дерзкий взгляд и улыбка до ушей, освещавшая все его тонкое, как спичка, тело. Он прибыл в Ленинград из какого-то города на Черном море²⁵, и все его естество было пропитано ярким, солнечным, южным светом. Он неплохо говорил по-английски, но приветствовал нас всегда словами «Асса е-е!», после чего вздевал руку вверх в задорном пионерском салюте. Несмотря на его уверенный вид и убежденный голос, я все же сильно сомневалась в его способности перехитрить советскую таможню.

– Африка с Тимуром этим займутся, – успокоил меня Борис, закуривая. Тимур кивнул. На его обрамленном темными волосами точеном лице ярко выделялись живые, напряженные глаза. Позже я узнала, что он был основателем и лидером андеграундной художественной группы «Новые художники».

– Важно, что прибыли вы как раз вовремя, – продолжил Борис. – Завтра начинается фестиваль в рок-клубе. Играют многие группы, в том числе и мы. Ты должна обязательно прийти.

– Потрясающе! – воскликнула я, заставив себя на мгновение перестать думать о гитаре. – А что такое рок-клуб, напомни.

– То, что они называют «официальным местом для неофициальных групп». – В голосе его я услышала плохо скрытую иронию. – Принадлежит оно государству, и играют там группы, у которых нет контрактов с государством. Денег нам не платят, так как вся прибыль идет залу, и аппарат²⁶ там полное дерьмо. – Он улыбнулся. – Но, во всяком случае, мы можем там играть. В

²⁴ Александр Кан (1954) – журналист, критик, переводчик, продюсер. Основатель и президент Ленинградского Клуба современной музыки (1979–1982), основатель и арт-директор фестиваля «Открытая музыка» (1988–1993), автор нескольких книг о ленинградском андеграунде. С 1996 г. – обозреватель Русской службы Би-би-си в Лондоне. Переводчик данной книги.

²⁵ В 1980 году в возрасте 14 лет Африка познакомился у себя в Новороссийске с приехавшей туда на летние гастроли ленинградской группой «Странные игры» и вместе с ними приехал в Ленинград.

²⁶ Аппарат – так на сленге рок-музыкантов называлась концертная усилительная аппаратура и динамики.

каком-то смысле рок-клуб – наш дом. Официально он называется Дом самодеятельного творчества, и он часть профсоюзной системы. Руководит клубом Коля Михайлов²⁷. Его все любят, кроме КГБ. Ему приходится тонко балансировать.

– Все это ужасно интересно, – наконец-то подала голос и Джуди. Я видела, что она внимательно слушала весь разговор, нервно царапая джинсы ногтями. – Но как бы из-за всех этих тайных поползновений нам не угодить в беду...

– Знаю, – оборвала ее я. – Но мы для этого сюда и приехали. Я хочу увидеть, как эти ребята играют. Такой шанс выпадает раз в жизни. Практически никто в Америке даже не подозревает, что все это здесь существует.

– Кроме Дэвида Боуи, – усмехнувшись, произнес Сева.

Попасть в беду я не боялась. Тот факт, что вместе с красной гитарой я сумела добраться до Бориса, заставил меня поверить, что КГБ не так уж и мною и интересовался. К тому же, считала я, раз у меня американский паспорт, наше правительство вступится за меня и спасет, как только появится реальная опасность быть отправленной в сибирский Гулаг. Теперь я понимаю, что мне, наверное, следовало быть осторожнее. Однако мне повезло, и, будь я на самом деле осторожнее, я бы сейчас не писала эту книгу.

На следующий день Борис опять прислал за нами кого-то из своих друзей, и мы отправились в рок-клуб. Правила мы уже знали: по-английски не говорить, идти быстро, голову вниз, а глаза – в обрамлявший широкие улицы грязный тротуар. На этот раз, предупредил Борис, люди из КГБ наверняка будут на концерте. Мы с Джуди, сказал он, пристально глядя на мою платиновую прядь, должны вести себя максимально неприметно. Я едва слушала его. Я была в таком воодушевлении от всего происходящего, что, если бы в зале вдруг появился сам Ленин, я все равно оттуда не ушла бы.

Попетляв немного по длинным улицам, мы подошли, наконец, ко входу в рок-клуб²⁸. Снаружи в здании не было ничего примечательного – обычный ленинградский фасад. Отличала его стоящая прямо на проезжей части толпа из сотен людей. По большей части они выглядели как типичные рокеры с длинными волосами, дикими прическами и серебряными кольцами на пальцах. Парочки стояли в обнимку, но были и строгие мужчины в костюмах, которые, немедленно решила я, и были из КГБ. Были и женщины в очках, офисных костюмах и туфлях на невысоком каблучке. Все пихались, толкались, как у входа в метро в час пик. Проталкиваясь вместе с Джуди сквозь толпу, я вдруг встретилась взглядом с парнем примерно моего возраста с выбеленной, точно так же, как и у меня, прядью. Мы оба внезапно остановились, признав друг в друге родственные души. На мгновение, пока мы смотрели в глаза друг друга, мне показалось, что толпа вокруг исчезла. Стук сердца вдруг отдался в ушах, как призыв к обеду, напоминающий о ноющем от голода желудке. Еще мгновение, и я вновь ощутила толпу вокруг, а парень исчез.

Пока я рассматривала море незнакомых лиц, нас отыскал кто-то из друзей Бориса и провел за кулисы. Борис, вся группа, многочисленные жены и подруги усиленно готовились к концерту. На металлических стульях валялись груды одежды, на пол сыпались коробочки с черным и розовым гримом. На мгновение мне показалось, что СССР остался где-то позади – я могла быть где угодно в мире и ни за что не почувствовала бы разницу. Друг Бориса указал на дверь в конце зала и сказал, что именно туда мы должны будем направиться по окончании концерта. Это был потайной выход на улицу, благодаря которому можно будет ускользнуть и от толп поклонников, и от начальства.

²⁷ Николай Михайлов (1953) – президент Ленинградского рок-клуба с 1982 по 1988 г.

²⁸ Ленинградский рок-клуб располагался в самом центре города, в здании Театра Ленинградского дома межсоюзного самодеятельного творчества на ул. Рубинштейна, д. 13. Сейчас в этом здании находится театр «Зазеркалье».

Мы оставили Бориса и компанию, полуодетых и передающих друг другу бутылки, готовиться к концерту и отправились искать свои места. Зал с классическим театральным интерьером и уютной сценой был совсем небольшой, и людям приходилось тесно прижиматься друг к другу. Заполнен был практически каждый уголок: люди сидели, стояли, теснились в крохотных альковах по бокам. Всего было, наверное, человек триста. Я внезапно осознала, какими звездами здесь были Борис и другие музыканты. Строго говоря, его группа была вне закона, но за годы подпольной записи и такого же подпольного распространения своей музыки они обрели огромную популярность у этих жадных до культуры людей. Они без проблем собирают аудиторию в триста человек в клубе, который правительство едва признает как полуправильный. Я почувствовала невероятное возбуждение от осознания того, что среди всех этих паломников рок-н-ролла я была чуть ли не единственной, напрямую и тесно связанной с их мессией.

Первая вышедшая на сцену группа называлась «Зоопарк» во главе с Майком Науменко. Толпа немедленно подалась вперед, с интенсивностью, к которой я была явно не готова. Мы с Джуди прижались друг к другу, в то время как остальная публика повскакивала с мест с поднятыми высоко вверх руками и начала танцевать. «Зоопарк» звучал как хорошо знакомый мне рок-н-ролл, разве что с русскими текстами. Майк выглядел как заправский американский рокер 70-х, вплоть до зеркальных очков-авиаторов. Позднее я узнала, что он, вместе с Борисом, был одним из первых рокеров, начавших писать песни на русском языке. Мне почти не довелось услышать его живьем после этого первого концерта, мне говорили, что он сильно пьет. Впрочем, мало кто из русских, с кем я встречалась, не страдал от такой же слабости.

Воодушевление в толпе увеличилось, когда на сцену вышла следующая группа – «Странные Игры». Игравший в стиле ска или новой волны состав с трубами, саксофоном и тубой – человек шесть-восемь в общей сложности – выстроился в шеренгу перед публикой и начал слаженно двигаться под ритм собственной музыки. Мне они напомнили играющие во время матчей американского футбола маршевые духовые оркестры, разве что у них не было накладных плеч и сверкающих пуговиц. По звуку, впрочем, они были, безусловно, рок – международный культурный феномен, который, как я поняла, люди любят везде, вне зависимости от географии.

В нескольких рядах перед нами я заметила человека в костюме. Крупная серая фигура в очках с толстой роговой оправой была неподвижна среди беснующихся вокруг и раскрасневшихся от возбуждения людей. Время от времени он поворачивался и смотрел на нас с Джуди. Наверняка из КГБ, решила я. Во время перерыва он опять повернулся.

– Вы Джоанна?

Я ничего не ответила.

– Борис говорил мне о вас.

Я отвернулась, сделав вид, что не слышу его. Меня охватила паника. На самом ли деле он друг Бориса? Откуда он меня знает? Кто еще здесь работает на КГБ? Не нужно ли нам с Джуди уходить? Интерес КГБ ко мне вызывал странное возбуждение, он как бы придавал значимость Борису и другим андеграундным музыкантам и заодно мне, причастной к их величию.

Тем временем свет погас, и на сцену вышла очередная группа. Высокие силуэты музыкантов привели публику в еще большее возбуждение. Я разглядела среди них высокого с романтической азиатской внешностью вокалиста: отточенные черты лица и прекрасный, живой голос. Звали его Виктор Цой, а группа называлась «Кино». Он стоял неподвижно с опущенными вниз руками и притоптывал в такт музыке, не отрываясь глядя в колышущуюся массу публики. Несмотря на сдержанную, неприветливую позу, он, казалось, полностью контролировал происходящее на сцене. Своей неподвижностью он заставлял людей смотреть на него не отрывая глаз, внимательно слушать музыку и погружаться в нее. На медленной ритмичной песне под названием «Транквилизатор» я почувствовала себя загипнотизированной. Еще на одной песне

слов понять я не могла, но почувствовала вдруг, что подпеваю вместе со всеми: «Видели ночь, гуляли всю ночь до утра». Я понятия не имела, что это значит, но остановиться не могла.

Я не сразу обратила внимание на других музыкантов «Кино»: высокая, невероятно яркая фигура игравшего стоя барабанщика и гитарист. Вдруг меня осенило: это тот самый блондин, с которыми мы встретились глазами перед концертом. Я опять ощутила такую же киношную магию: зал вокруг меня исчез, а стук сердца вытеснил ритм музыки. Он был божественно красив. Все остальное время концерта я не могла оторвать от него глаз. Потом я узнала, что зовут его Юрий²⁹. Для меня он был как античный Давид работы Микеланджело: стройный, мускулистый, сильный.

После «Кино» мы с Джуди восторженными криками встретили появившихся на сцене Бориса и «Аквариум». Борис говорил мне, что название группы он позаимствовал у пивной в отдаленном ленинградском районе Купчино. Я впервые слушала полноценный «Аквариум»: барабаны, гитара, клавиши, скрипка и Сева на виолончели. В клавишнике я узнала Сергея Курёхина, Капитана, чье выступление в подвале я видела в свой первый приезд. Вскоре я узнала, что кроме игры в «Аквариуме» он также продюсирует множество подпольных групп и пользуется серьезной репутацией как классический пианист. Практически во всех видеоклипах разных групп, которые я снимала в течение следующих нескольких лет, неизменно присутствовал Сергей: либо отчаянно колотя по клавишам, либо просто улыбаясь своей плутовской улыбкой откуда-то из уголка кадра.

Как всегда, в центре моего внимания был Борис, и я переполнилась невероятной гордостью, увидев его степенно выходящим на сцену с красным Stratocaster'ом наперевес, как рыцарь с копьем, сияющим новым блеском. Весь вечер он играл на нем попеременно со своим гитаристом Сашей Ляпиным³⁰, и я была счастлива ощущением того, что и мне удалось внести посильный вклад в происходящую у меня перед глазами революцию.

Весь час выступления «Аквариума» я пребывала в состоянии эйфории. Толпа безумствовала, Борис был ее кумир. Со свисающей с плеча гитарой он напоминал Атланта, держащего на плечах весь мир: настоящий титан. За жестким рок-н-роллом следовал тягучий тяжелый блюз, затем мягкая лирическая баллада. Весь зал в унисон подпевал торжественному гимну «Рок-н-ролл мертв». Время от времени мне хотелось ущипнуть себя: неужели я нахожусь в Советском Союзе, стране, считающейся «империей зла» и нашим самым страшным врагом, и я по уши влюбилась в рок-группы этой страны?

Когда стихли овации и толпа постепенно потянулась к выходу, мы с Джуди ринулись за кулисы поздравить Бориса. Вдруг, в середине разговора, кто-то нас прервал и с тревогой на лице отвел Бориса в сторону.

– Здесь, за кулисами, КГБ, – прошептал, вернувшись к нам, Борис. Я почувствовала внезапную тревогу, не столько за себя, сколько за Бориса и других музыкантов. Не мы ли своим приходом навлекли на них беду? – Вам нужно уходить и немедленно, – только и сказал он.

²⁹ Юрий Каспарян (1963) – гитарист группы «Кино», активный участник «Поп-Механики». После смерти Виктора Цоя долгое время работал в группе «Ю-Питер» Вячеслава Бутусова. В настоящее время – автор и главный исполнитель проекта «Симфоническое Кино». С 1987 по 1991 г. – муж Джоанны Стингрей.

³⁰ Александр Ляпин (1956) – гитарист «Аквариума» (1982–1991), постоянный участник «Поп-Механики», работал также с ДДТ. Основатель и лидер собственных групп «Ну, Погоди», «ТелеУ», «Опыты Александра Ляпина», «ROCKМЕХАНИКА». С 2012 года постоянно живет в США.

Глава 5

Бунтарь без понятия³¹

Мы понеслись по темному коридору к двери, на которую нам перед концертом указал друг Бориса, – два оленя, убегающие от охотников из КГБ. По крайней мере, мы знали, что нас ждет надежный выход. Мы переглядывались на бегу, нервно хихикая, пока вдруг не уперлись в кирпичную стену. А вот и дверь. Не открывается. В панике я толкаю ее изо всех сил. Бог мой, она заперта! Не говоря ни слова, мы разворачиваемся и вдруг замираем, видя, как из еще одной артистической выходит какой-то парень. Поворачиваем за ним еще в какой-то коридор; глаза мои, как спутниковые антенны, бешено вращаются, пытаюсь найти хоть какой-то сигнал, хоть какой-нибудь выход. И вдруг мы опять оказываемся в зрительном зале. Ринулись вниз по ступенькам, чтобы успеть влиться в поток последней выходящей из зала кучки зрителей, направлявшейся к выходу из здания. С толпой слились, и вдруг я понимаю, что потеряла Джуди. Не останавливаясь, я лихорадочно вглядываюсь в каждое возбужденное лицо, надеясь увидеть знакомый нос пуговкой и круглую челку на лбу. Еще через пару секунд я наконец оказываюсь у двери, думая, что, по крайней мере, мне удалось убежать.

И вдруг прямо передо мной из сигаретного дыма выплывают, как призраки, двое мужчин в костюмах. Хватают меня за руки и тащат прочь от открытых дверей и теплого ночного воздуха. Сотни человек проходят мимо, никто не решается остановиться или произнести хоть слово. Мужчины не в форме, без каких бы то ни было опознавательных знаков, и, как по мне, выглядят они как заправские гангстеры. Не веря в происходящее, смотрю на мелькающие возле меня тени: ни одна душа не остановилась, чтобы вмешаться или признать меня.

Так втроем мы и спускаемся по лестнице вниз, сжимавшие мне плечи цепкие пальцы ни на секунду не размыкаются. Заводят в темную комнату без окон, металлический стол и два стула. Все как в кино. Указывают на один из стульев. Я сажусь. И тут на меня обрушивается шквал вопросов, без всякого вступления, объяснения и ни слова по-английски.

Я же в ответ только твержу как попугай: «I don't speak Russian. I don't speak Russian, I don't speak Russian, I don't speak Russian»³².

Они повышают голос, чуть ли не орут с искаженными от злобы лицами.

– I don't speak Russian. I don't speak Russian, I don't speak Russian, I don't speak Russian.

Платиновую прядь я пытаюсь убрать подальше за ухо, моля бога, чтобы они приняли меня просто за приехавшую учиться сюда на семестр студентку с безумными волосами, угодившую каким-то образом в рок-клуб.

– What. Is. Name?³³ – спрашивает наконец один на ломаном английском.

Я молчу. Он еще больше повышает голос.

– What is name?!

Я понимаю, что стоит мне назвать свое имя, меня в СССР больше не пустят.

Передо мной стоит лицо Бориса, и я прямо кожей ощущаю, что как только я произнесу слова «Джоанна Филдз», лицо это растает в воздухе, как мираж. В отчаянии я дерзко говорю в ответ: «Скажите мне, кто вы, и тогда я назову вам свое имя».

³¹ Название главы (в оригинале *Rebel Without a Clue*) иронически обыгрывает название знаменитого американского фильма «Бунтарь без причины» (*Rebel Without a Cause*). Вышедшая в 1955 году картина с Джеймсом Дином в главной роли стала одним из первых художественных отражений растущего самосознания молодой Америки и провозвестником революционных перемен 60-х годов.

³² Я по-русски не понимаю, я по-русски не понимаю, я по-русски не понимаю.

³³ Как. Зовут?

– Кто тебя привел? – Один из них закуривает, глаза его остаются холодными, хотя изо рта и из ноздрей клубами выходит горячий дым.

– Почему сюда?

Я молчу.

– Ты знаешь Виктора Цоя?

...

– Майка Науменко?

...

– Бориса Гребенщикова?

– Нет, никогда о таких не слышала, – отвечаю я.

– А ты кто?

Я не знаю, что им говорить. Мысли лихорадочно скачут, а сердце то подступает к горлу, то уходит в пятки. Чуть ли не задыхаясь, я слышу собственный голос: «Я американская гражданка. Если хотите узнать мое имя, звоните в консульство».

Два медведя переглядываются. Что делать со мной – напуганной, но злой и дерзкой девчонкой – они, судя по всему, совершенно себе не представляют. Они обмениваются несколькими словами и вновь смотрят на меня.

– Go³⁴, – произносит наконец один из них, бросая окурок на пол и указывая на дверь.

Я быстро выбегаю, вновь спешу в опустевшее фойе и через главный вход наконец попадаю на улицу. Адреналин бешено колотит сердце, но я счастлива вновь быть на улице, среди людей, еще толком не разошедшихся после концерта. Не зная, что делать, я иду по улице, чтобы как-то выпустить клубок сжигающей меня энергии. Рядом со мною, ступая нога в ногу, оказывается девушка, которая тихо шепчет мне почти в ухо: «За тобой следят. Походи по городу, постарайся от них отстать и приходи к нам. Мы там все вместе будем тебя ждать». Она быстро произносит адрес и тут же исчезает, как сказочная фея, прежде чем я успеваю открыть рот и спросить о сестре.

Подталкиваемая адреналином, я шла по улице, повторяя, как молитву, чтобы не забыть, названный мне адрес. Через несколько кварталов, прежде чем повернуть за угол, я увидела еще одного «медведя» в сером костюме. Он тут же отвел взгляд и отвернул голову. Я чуть не рассмеялась от столь неумелой слежки: наивная 24-летняя девчонка, я и то без труда распознала «хвост». Я нырнула за угол и прошла еще несколько кварталов. Еще раз оглянувшись на него. Он остановился, делая вид, что тщательно изучает асфальт под ногами. Я опять почувствовала себя как в плохом детективе: он, безусловно, следил за мной, а я, безусловно, пыталась его перехитрить. Я спрятала волосы под шапку, которую обнаружила у себя в кармане пальто и, петляя, прошла еще несколько кварталов. Оглянувшись, я больше его уже не увидела. Теперь, вспоминая, я думаю, что они, скорее всего, просто хотели напугать меня.

Когда, наконец, запыхавшись и на пределе беспокойства, я дошла до указанного адреса, вечеринка там была в полном разгаре. Первым увиденным мною человеком была Джуди, которая радостно вслушивалась в болтовню музыкантов и вела себя как ребенок. Отдышавшись, все, что произошло со мной в тот тяжелый вечер, я стала воспринимать как забавное приключение. Я пересказала людям, набитым в комнате, события последнего часа, и по их всего лишь любопытствующим лицам поняла, что дело это вполне обычное и ничего особо страшного в этом нет. Это была часть повседневной жизни, особенно для тех, кто живет в арт-андеграунде, и они к ней давно уже привыкли. В глубине души я чувствовала, однако, что мне надо изменить свое беззаботное поведение в том, что касается безопасности и возможной слежки, – пожалуй, не столько для защиты себя самой, сколько для защиты этих людей, принявших меня в свой

³⁴ Иди!

круг с широко распростертыми объятьями. Это было первое из многочисленных препятствий, встретившихся мне на пути в Советском Союзе.

Борис и Сергей оба крепко обняли меня. «Все в порядке?» – спросил Борис. У Сергея в глазах была злость, он был не в состоянии скрыть свою ненависть и презрение к КГБ.

– Да, – ответила я. – Было, конечно, ужасно, но теперь все в порядке.

На этой вечеринке я познакомилась с Виктором Сологубом, которого все называли Витя, и его братом Григорием, соответственно, басистом и гитаристом из столь понравившихся мне «Странных Игр». Витя говорил по-английски вполне прилично, возмещая скудные несколько слов, которыми владел его брат. Редкость среди русских, Витя не пил и не курил. Человек терпеливый, он заботился и о брате, и об остальных друзьях. Говорил он быстро, с напором и даже некоторой нервозностью, взгляд его стремился охватить все вокруг.

– Крутой Strat ты привезла Борису!

– Спасибо! А что ты хочешь, чтобы я тебе привезла?

– Вау! – восторженно произнес Витя. – Серый бас Fender P!

– О'кей, попробую.

– Ты поняла, да? – не успокаивался он. – Бас Fender P. Серый.

– Я поняла.

– Может, записать, чтобы ты не забыла? Серый бас «Fender P».

Со временем я все меньше думала об инциденте с КГБ, знакомясь один за другим с самыми невероятными людьми: Саша Титов, басист «Аквариума», с острым носом и выюющимися волосами; джазовый критик Алекс Кан с низким голосом и сосредоточенным взглядом. Почти все хоть немного говорили по-английски, а если нет, Алекс или Борис помогали с переводом. По большей части рядом со мной был Алекс, так как Борис почти все время находился в окружении жен музыкантов «Аквариума» и других, сидевших у его ног и смеявшихся над его непринужденными шутками женщин. Такая сцена повторялась и сейчас, на каждой «тусовке» – приятном и расслабленном ничегонеделании, – и в будущем: Борис сидит в кресле или на диване, вокруг него, в том числе и на полу, женщины, смотрящие на него снизу вверх с обожанием и кокетливой преданностью. Очевидно было, что почти все они в него влюблены, и я помню промелькнувшую у меня в голове мысль о том, что нелегко, наверное, быть женой музыканта «Аквариума».

В какой-то момент Борис подвел ко мне человека в сером костюме и очках, лицо которого мне странным образом показалось знакомым.

«Это Аркадий³⁵, один из лучших наших поэтов», – с гордостью в голосе представил мне его Борис.

Я почувствовала, как краснею: это был тот самый человек, который пытался заговорить со мной в рок-клубе и которого я проигнорировала. «Бог мой, простите меня, я вела себя с вами очень грубо на концерте. Я решила, что вы из КГБ. Простите, ради бога!». Они с Борисом дружно рассмеялись.

В дальнем углу я заметила Виктора из «Кино» и его гитариста Юрия – того самого, с блондинистой челкой, кто умудрился за одно мгновение заложить мне в сердце мину замедленного действия. Рядом с ними был их басист Игорь Тихомиров – кудрявый, улыбчивый парень, которого я со временем прозвала Микки-Маус за его вечно жизнерадостный и дружелюбный настрой. Еще через несколько минут я сумела пробраться к ним в угол, каждую минуту прерывая разговор безудержным восхищением в адрес их сета. Они в ответ так же безудержно восхищались привезенной мною Борису в подарок красной гитарой. В разговоре Виктор оказался полной противоположностью тому, каким он мне запомнился на сцене. На место излу-

³⁵ Аркадий Драгомощенко (1946–2012) – поэт, прозаик, эссеист, переводчик, активный участник литературного объединения «Клуб-81», близкий друг Сергея Курёхина.

чавшейся им тогда холодной, темной, страстной энергии стойка пришло теплое и заинтересованное радушие. При всем его таланте и славе он был, очевидно, человек мягкий, и говорить с ним было очень легко.

Английский у него был вполне приемлемый, и в нашем разговоре с Юрием он выполнял роль переводчика. Они сказали мне, что слышали, что я рок-музыкант из Америки, и выразили желание послушать мою музыку. Я в свою очередь стала расспрашивать про их группу: кто пишет песни, сколько времени они уже существуют. Разговор шел лениво, расслабленно и вполне предсказуемо, но сердце у меня внутри колотилось как безумное. Юрий полностью захватил мое внимание: его точеный подбородок и ясные глаза убедили меня в том, что я влюбилась в человека, с которым с глазу на глаз едва смогу обменяться парой слов. Как мне кажется, языковой барьер только усилил романтизм наших отношений. Он смеялся над моими комплиментами, нежно брал меня за руку и не спускал с меня глаз, пока Виктор продолжал быть толмачом между нами.

– Джоанна, а завтра ты что делаешь? – спросил Виктор.

Я почувствовала, как внутри у меня все оборвалось.

– К сожалению, завтра я уже лечу домой, в Америку. – Выждав паузу, я добавила: «Но я приеду еще».

На следующее утро, по дороге в аэропорт, я заехала к Борису. Он повел меня на крышу, самое безопасное с точки зрения возможной прослушки место.

– Смотри, осторожно с этими перилами. Они прогнили.

– А это безопасно? – нервно спросила я.

– Не думаю, – ответил он с улыбкой. Он понимал: высовываясь прямо к небу, риска не избежать.

– Борис, мне ужасно неловко заводить об этом разговор, но что делать с красным Stratocaster'ом? Таможенники все тщательно записали и сказали, что я обязательно должна вывезти его из страны.

– Не волнуйся, – ответил он небрежно. – Давай попьем чаю, все будет нормально.

В квартире я демонстративно, каждую минуту смотрела на часы: «Борис, гита...»

Не успела я в очередной раз открыть рот, как дверь распахнулась и в комнату вошли Африка и Тимур с гитарным футляром в руках.

– Бог мой, спасибо! – сказала я. – Мне ужасно жаль, что надо забирать у вас гитару...

После своего традиционного приветствия «Асса е-е!» и пионерского салюта Африка протянул мне футляр, который я тут же открыла.

Внутри лежала гитара с выкрашенным в яркий красный цвет самодельным деревянным корпусом. Гриф, электрические звукосниматели, ручки переключения громкости и тембра, тремоло-рычаг, – все было того же цвета и размера, что и на настоящем Fender'е. Серийный номер находился в нужном месте, и, сличив его с тем, что был записан у меня на обороте таможенной декларации, я убедилась, что он полностью идентичен.

– Вы сделали дубликат?! – потрясенная, не веря своим глазам, воскликнула я.

– Асса е-е! – с полным достоинства видом подтвердил Африка. – Все в точности как записано у тебя в таможенной декларации. Разве что качество похуже. Ну и, как ты думаешь, таможенники поймут разницу? – он презрительно пожал плечами. – Да никогда в жизни!

– Просто невероятно! – Что я еще могла сказать? Гитара была передо мной, как младший, нескладный брат оригинального Stratocaster'a, неуклюже сконструированный из бог весть каких материалов. Впервые я получила возможность убедиться, как хитры на выдумки при необходимости люди в СССР. В Америке, не сталкиваясь ни с настоящими трудностями, ни с цензурой, я всегда жила по правилам. У этих ребят все было не так. Когда возникает проблема, они находят способ ее решить. Я смотрела на них: хитреца в глазах и веселые улыбки на молодых, необузданных лицах.

– Ну, что же вам привезти в следующий раз?

Глава 6

Что-то необыкновенное

– А это, – говорю я, переходя к очередной фотографии, – мы с Борисом у него на кухне вскоре после того, как мы познакомились.

– Напомни-ка мне еще раз, кто такой этот Борис? – слегка прищурившись, спрашивает глава компании музыкального оборудования, пытаюсь разглядеть круглое, харизматичное лицо на фотографии.

– Можно сказать, что он Боб Дилан СССР. Это его песню ты только что слушал.

– Все, что ты рассказываешь, совершенно невероятно... – бормочет он себе под нос. – Кто бы мог подумать, что в Советском Союзе есть рок-музыка...

Увидев, как Борис отреагировал на подаренный ему красный Stratocaster, и помня переходящее в восторженную улыбку изумление на его лице, я преисполнилась решимости добыть для своих новых русских друзей побольше нужных им инструментов. Не успев даже толком приехать домой, я, как лыжник, приземлившись на вершине горы, сразу помчалась дальше. Лихорадочно пытаюсь подготовиться к следующей поездке, я опять пошла работать в тур-агентство, в то же время стараясь наладить контакты с американскими компаниями музыкального оборудования и обзавестись за короткое время достаточным количеством инструментов. Я также начала переговоры с фирмами грамзаписи об издании музыки Бориса. Дэвид Уайдерман, улыбающийся блондин, менеджер гитарного центра в Голливуде, где я на деньги Боуи покупала для Бориса Stratocaster, познакомил меня с нужными людьми, в числе которых был Даг Баттлман, самый крутой и свойский парень в Yamaha, и Дэн Смит в Fender.

Вернувшись из второй поездки в СССР в августе 1984 года, я переговорила с бессчетным количеством людей. У нас с Джуди накопилась гора фотографий и несколько пленок с музыкой «Аквариума», которые мы при выезде запихивали как можно дальше вглубь чемоданов, моля бога, чтобы их у нас не конфисковали. Огромное количество американцев были об СССР такого же мнения, как и я, еще полугодом раньше. Никто, в том числе и руководители фирм грамзаписи, не могли поверить, что люди типа Бориса Гребенщикова или Виктора Цоя могли существовать. Я собиралась отдернуть занавес и показать им кусочки Страны Чудес.

Уже самые первые встречи показали, что особенно упрашивать никого не придется: все понимали, что я наткнулась на что-то необыкновенное. Люди хотели помочь, хотели увидеть побольше этого волшебного странного мира. Пользуясь этим неподдельным интересом, я выпрашивала все больше и больше инструментов. За считанные недели мне удалось добыть синтезатор для Сергея Курёхина; светившийся, как зимнее солнце, белый Strat для Юрия и четырехдорожечный микшерный пульт. В Capitol Records мне даже подарили сияющую золотом пластинку «Битлз» в рамке для «Человека-Битлз» Коли Васина с выгравированным на табличке под ней его именем.

– From me to you! – произнесла я, вручая Коле подарок.

– Hey, Jude! – ответил он, сжимая в руках блестящий желтый диск, со смешанным чувством восторга и изумления на лице. – Here comes the sun!

Третье появление в холодном, залитом флуоресцентным светом зале прибытия в ноябре 1984 года было таким же малоприятным, как и первые два. На этот раз, правда, я передала Борису, что первые три с половиной дня тура я проведу в Москве, и он ответил, что встретит меня там. Обгоняя на пути к паспортному контролю и таможене утомленно бредущих после бессонной ночи остальных пассажиров, я уже чувствовала проникающее ко мне сквозь стены его тепло.

В Москве Борис повел меня на «официальный» концерт. Как он уже говорил мне, за готовность представлять свои тексты цензуре и согласие играть там и тогда, где и когда им это будет позволено, «официальные» группы могли неплохо зарабатывать себе на жизнь и даже приобрести «официальную» известность.

«Продались...» – презрительно отзывался о них Сергей Курёхин. Поставить славу и преуспевание выше творческой свободы было в его глазах признаком моральной деградации и профанации искусства.

Играла самая известная официальная рок-группа страны «Машина времени». Ее лидер Андрей Макаревич был одним из ближайших друзей Бориса.

– Андрей обожает «Битлз», – сообщил мне Борис, когда мы входили в зал.

– Как вы познакомились?

– Он начал играть песни западных рок-групп в Москве в 70-е, так же, как мы это делали у себя в Ленинграде. Но так как в столице подпольным группам существовать труднее, Андрей на время переехал в Ленинград, и мы практически одновременно стали писать песни по-русски. Так и подружились.

– Почему же он решил подписать официальный контракт?

– Предложили нам обоим. Я отказался, но он хотел выступать, к тому же это еще и дополнительный заработок, вот он и согласился.

– И ты был не против?

– Он прекрасный музыкант, и я уважаю его талант. Ну и, не забывай, он мой друг. Нам всем в этой стране приходится идти на компромиссы.

«Машина времени» выступала в огромном – тысяч на десять зрителей – концертном зале. Публика вежливо зааплодировала, приветствуя вышедших на сцену в строгих костюмах музыкантов. Вместо памятной мне по Ленинграду дикой, необузданной энергии подпольного концерта здесь царила задавленная, вялая атмосфера. Никто не вскакивал с мест, не испытывал или не проявлял ни малейшей страсти. Андрей на самом деле был прекрасный музыкант, но все выглядело и звучало приглаженным и зажатым. Группа играет песню, публика вежливо аплодирует, Андрей говорит несколько слов. Опять песня, опять аплодисменты, опять несколько слов. Я почувствовала себя белкой, бесцельно крутящейся в никуда не едущем колесе.

Где-то в середине концерта у гитариста группы лопнула струна. Все остановилось и замерло. Никто – ни группа, ни тысячи зрителей, ни Андрей, ни Борис, ни я – практически не двигался. Это был концерт статуй, в почти мертвой тишине дожидавшихся, пока гитарист под прицелом тысяч глаз спокойно заменит лопнувшую струну.

– Что происходит? – шепотом спрашиваю я у Бориса. – Почему остальная группа не импровизирует или не сыграет другую песню?

– Нельзя. Каждая секунда концерта расписана, – отвечает он, не сводя глаз с пальцев гитариста, наконец-то сменившего струну и сейчас неспешно настраивавшего гитару. – Отступать от заранее расписанного порядка нельзя.

– Как это все странно...

– Мы привыкли...

Несмотря на зажатую реакцию публики, мне было тем не менее очевидно, что Андрей и его группа – настоящие звезды. Неподдельный интерес слушателей и их терпение во время долгой замены струны лишь подтвердили преданность поклонников своим кумирам из этих официальных групп. После концерта мы с Борисом отправились к Андрею домой, и я была поражена, насколько огромной и роскошной оказалась его квартира. Высокие окна выходили на широкий проспект, во множестве комнат жили только он сам и его семья – разительный контраст с тесным коммунальным жильем Бориса и других неофициальных рокеров.

Андрей был предельно мил, и с самого начала было ясно, что между ним и Борисом существует глубокая внутренняя связь. И хотя о чем они говорили, я не понимала, этот бла-

женный вечер крепко засел у меня в памяти: голова моя на плече Бориса, он курит свой любимый «Беломор», отчетливый запах пропитывает мне волосы и одежду, а мелодичный диалог двух музыкантов звучит как продолжение их песен. Я не раз замечала, что, стоит мне просто оказаться рядом с Борисом, как я погружаюсь в какую-то магию, как будто внезапно наступает лето, цветы распускаются тысячей ярких красок, непогода отступает.

Через пару дней мы вновь встретились с Борисом уже в Ленинграде. Он пригласил нас с Джуди на серию домашних концертов: несколько музыкантов в набитой битком комнате, в которой, несмотря на тесноту, царят музыка и улыбки. Комнаты в старых коммунальных квартирах довольно большие, и в них, как сельди в бочки, втискивались свыше сотни благоухающих потом рок-фанов. Борис со своей гитарой играл в сопровождении скрипача, виолончелиста или басиста. И вновь я поняла, как многого была лишена все эти годы в Америке, как будто сердце мое было лампой, не включенной в сеть. А эти музыканты – они источали электричество.

До прибытия Бориса и его музыкантов хозяева пускали по кругу старую шапку, в которую зрители складывали деньги для артистов. Если денег в шапке не оказывалось, что случалось, к моему удивлению, довольно часто, группа играла просто за выпивку. Совершенно очевидно было, что для андеграундных групп, таких как «Аквариум», деньги были не главным. Борис, Виктор и все остальные, с кем я встречалась, играли потому, что любили это делать, потому что они дышали этим, потому что ради этого они утром просыпались и вставали с постели. Я видела, что в такие моменты, когда сердца и души их выливались через голоса и инструменты, они были свободны и счастливы, избавлены от всех тягот, которые гнетут нас остальных.

После концерта мы все вместе, с Борисом и группой, сомкнув руки, шли километр-другой на пронизывающем ноябрьском ветру до трамвая или метро. Меня всегда поражало, что Борис, знаменитый рок-музыкант, способный одним прикосновением к гитаре вызвать восторг толпы поклонников, должен был холодными зимними вечерами добираться домой на общественном транспорте. Я думала об упущенных ими возможностях, ночами не могла заснуть, прокручивая в голове мысли о том, как «Аквариум» и «Кино» должны записывать и выпускать пластинки, ездить на гастроли, появляться на телевидении.

Такими бессонными ночами я также пыталась разгадать то поразительное соотношение, которое сложилось у русских между деньгами, свободой и концепцией времени. Я видела, что мои друзья-рокеры больше всего на свете ценили свободу, гнались за этим ощущением и схватывали его в короткие мгновения концерта в крохотной квартирке, в то время как остальные только и могли, что твердить мне на своем ломаном, с сильным акцентом, английском: «Хочу быть свободным, как ты». Помню, я пыталась им объяснить, что за свою свободу американцы платят высокую цену, вкалывая на ипотеку, студенческие займы и отчисления в пенсионные фонды. Свободный доступ к капиталу и имеющиеся у них якобы возможности вынуждают американцев планировать надолго вперед и в погоне за золотым закатом, как те самые ковбои, каковыми многие из них на самом деле являются, упускать моменты, в которые можно по-настоящему жить. В Советском Союзе нельзя было взять деньги в кредит, поэтому не было нужды планировать или экономить. Все случалось как случалось: еда, наркотики, смех, ссоры, любовь. Если я дам Борису сто долларов, он потратит их в тот же день. Если я дам ему десять бутылок водки, он соберет друзей и устроит веселую вечеринку прямо тут же, в дождливый и нерадостный вечер.

После одного из таких домашних концертов мне удалось вновь поговорить с гитаристом «Кино» Юрием Каспаряном. Виктор Цой со своей неизменной улыбкой опять стоял между нами и переводил.

– Сможешь еще разок оторваться от группы? – спросил меня через Виктора Юрий.

– Пока мне это удавалось, – кокетливо ответила я, не в состоянии оторвать глаз от Юрия.

– Мы завтра едем в Пушкин, пригород Ленинграда с огромным дворцом и прекрасным парком. Поехали с нами. – К словам Юрия Виктор добавил и несколько своих: «Его называют советский Версаль».

– Лучше, – сумел вставить слово по-английски и Юрий. Будто бы меня нужно было уговаривать.

– С удовольствием, – сказала я, обратив внимание на небольшую родинку у него на подбородке и его высокие скулы. – В котором часу вы нас с Джуди подберете?

Мы едва могли сказать друг другу несколько слов, но я чувствовала, что все больше и больше влюбляюсь в Юрия. Между нами сложилась мгновенная связь, странное слияние энергий, от которого у меня перехватывало дыхание, а он в ответ лишь весело улыбался. Пушкинский парк стоит на воде, и мы с ним взяли напрокат небольшую гребную лодку на двоих. Мы вылавливали и вновь бросали в воду проплывающих мимо нас резиновых уточек и игрушечные лодочки, кривлялись, смеялись и дурачились, при каждой крохотной волне делая вид, что лодка переворачивается, и, хохоча, притворялись, будто падаем в воду, хватая друг друга за руки и ноги. На обгоне идущей рядом с нами лодки Джуди Юрий вдруг придвинулся плотно ко мне, и наши глаза встретились. Его поцелуй оказался таким же, как плещущаяся вокруг нас вода и русский воздух: прохладный, мягкий и бодрящий.

«Да, вот это, пожалуйста», – произнес мой мысленный голос, как много раз до этого мой реальный голос произносил эту фразу при выборе очередной поездки или очередного инструмента. И вот опять мне хочется произнести эти слова, пока его челка застилает мне глаза, а руки сжимают лицо: «Это именно то, чего я хочу».

Нет, теперь меня не удержат никакие запреты, никакие таможенные ограничения, никакая ненависть к России.

Глава 7

Волк и Феникс

Ничего похожего на работу с Сергеем Курёхиным, Капитаном, мне в жизни не приходилось испытывать. В детстве я профессионально занималась гимнастикой, и наш тренер, суровый, не улыбочивый австриец, постоянно орал на нас, девочек, и больно шлепал по ногам за любое неверное движение. Домой я приходила с красными пятнами на бедрах и израненным самолюбием. Сергей гонял меня прямо из-за рояля. В его щенячьих глазах на гладко выбритом, матового цвета лице отражались пьянящая душа и мысли, угнаться за которыми было невозможно. Голос мой взлетал куда выше, чем когда-то тело на разновысоких брусьях или перекладине. Но, в отличие от гимнастики, каждая минута занятий с Сергеем доставляла мне подлинное удовольствие. У него был острый ум, а от мелодий его у самого Шекспира пошли бы мурашки по коже.

Я уже видела его на безумном концерте в подвале старого заброшенного дома и в роли клавишника в составе «Аквариума». Но с каждым новым приездом мне становилось все яснее и яснее, что я даже и близко не подошла к пониманию его гения. И хотя немного было в ленинградском андеграунде групп, в которых Сергей не играл или которые не продюсировал, больше всего он, наверное, известен как лидер «Поп-Механики» – безумного сборища разношерстных музыкальных пиратов, в которое было навалено все: джаз, рок, классика, авангард. Сергей дирижировал не палочкой, как обычный дирижер, а всем телом, размахивая руками, дергая головой и совершая гигантские прыжки. Он представлял собой неистощимый поток энергии, дерзкий, яркий и заливающий светом все вокруг. Концепции времени для него будто не существовало.

«Мы проводим нечто, – проговорил он однажды раздумчиво в разговоре на эту тему, – сами пока не понимая, что это, собственно, такое». Жизнь для него была как безлимитная кредитка.

В те дни мы часто проводили время втроем: Сергей, Борис и я. Сергей садился рядом со мной, мы сплетали ноги, а руки он закидывал мне на плечи. Так, удобно устроившись в его объятьях, я смотрела, как Борис пытался переключить каналы на огромной коробке старого телевизора. Я была потрясена, увидев, что работает только один канал, по которому передавали выступление хора юных пионеров. Вид этого унылого размытого черно-белого изображения показался мне логическим объяснением всплеска творчества и креативности этих ребят: ничто не отвлекало их от дела. У нас в Штатах американская мечта утонула в многочасовых бессмысленных просиживаниях у телевизора за разогретым в микроволновке ужином, но в Советском Союзе людям приходилось самим себе придумывать развлечения. Я взглянула на Сергея: в глазах его мелькали тайные мысли и песни, ожидающие возможности вырваться наружу. Чтобы разжечь внутри себя огонь, он не нуждался ни в телевизоре, ни в алкоголе, ни в наркотиках: внутри него и так пылало пламя вдохновения, которого хватило бы на тысячу человек.

«Джо», – произносил он, чтобы привлечь к себе внимание, а затем начинал пищать или выть, как волк. Из него, как из вулкана, бурными потоками выплескивалась энергия.

«Пошел ты...» – сквозь зубы цедил он любому, кто грозил запретить концерт, пытался угрожать его друзьям или втянуть его в какие-то правила и распорядки, когда он устраивал выступление прямо на улице без официального разрешения.

Сергей регулярно подшучивал надо мной, ставя меня нередко в неловкое положение. Ему ужасно нравилось, когда мы с Джуди вдруг обращались к незнакомым людям с чем-то мало-приличным. Первая фраза, которой он меня обучил, была «большой колбаса». Мы постоянно

произносили ее друг другу, она стала для нас своего рода вербальным талисманом, и мне нравилось видеть, как он заливается от хохота, когда я вдруг прокричу ее на всю забитую людьми квартиру или прошепчу ее ему на ухо. На приемах в западных консульствах – французском, шведском, американском³⁶ – он подговаривал нас подойти к дипломатам со словами, которые, клялся он, были традиционным русским приветствием. Нам было ясно по его едва сдерживаемой улыбке и задорному блеску в глазах, что учит он нас чему-то неприличному, но все равно мы делали, что он просил: потому, что это было весело, и потому, что это был Сергей. Он тихо отходил в сторонку и с гордостью наслаждался видом поперхнувшихся от изумления дипломатов, с вежливой улыбкой на устах и с паникой в глазах пытающихся сообразить, как им лучше всего реагировать на высказывания типа: «Поцелуй меня, дурак» или «Отсоси у меня сейчас».

Было бы неверно, однако, предположить, что все сводилось к словесной эквилибристике и рискованным малоприличным шуточкам. Превозмогая языковой барьер, мы писали вместе песни. Он, сидя за фортепиано, придумывал оригинальную мелодию и тут же своим мягким, ломким фальцетом, как выброшенный за дверь кот, напевал состоящую из импровизированной звуковой тарабарщины вокальную партию. Я записывала это все на свой Walkman и увозила домой, где придумывала к этим мелодиям английский текст и записывала готовую песню в лос-анджелесской студии. Он не уставал восхищаться качеством того, что может дать американская студия, а я не уставала восхищаться качеством того, что был в состоянии продуцировать его талант и его мозг. Он гордился тем, что делает собственную музыку, а не только «жалкие подражания Западу». К каждой песне он подходил со всем тщанием, отрабатывая тон, ритм, крещендо. Он хотел сделать то, что до него никто не делал.

«Джо!» – начинал он. За этим следовали неустанные попытки научить меня петь в разных стилях и в разном темпе, требования выйти из привычной зоны комфорта и из того, что я слышу у себя в голове. Ни один курс вокала или мастер-класс по технике написания песен в лучшей консерватории не могли бы дать мне то, что дал Сергей.

Как признанный классический и джазовый пианист, он мог выступать в «официальных» залах, огромные массивные двери которых были закрыты для других рокеров. В один из первых своих приездов я побывала на его выступлении в концертном зале в Ленинграде. Он сидел за роялем на двух поставленных под прямым углом друг к другу стульях, с прижатым к груди саксофоном. Кроме него, в концерте принимали участие знаменитая цыганская певица Валентина Пономарева³⁷ и саксофонист Владимир Чекасин³⁸.

Он играл, полностью погруженный в музыку, колотя не только по клавишам, но и по уставовленному рядом барабану, а иногда отшвыривая этот барабан ударом ноги в дальний угол сцены. Его завораживающие пассажи заполняли все пространство. Забитый до отказа зал слушал в благоговении, и власти оставляли его в покое. Что-то было в Ленинграде, более расслабленном и свободном, чем Москва, что позволяло ему процветать в этом городе, несмотря на последовательное исключение за неконформизм и хронические прогулы во всех музыкальных учебных заведениях, в которых он учился³⁹.

³⁶ В 80-е годы консульства западных стран в Ленинграде активно приглашали деятелей культурного андеграунда на всевозможные приемы и вечеринки – как непосредственно в зданиях дипломатических представительств, так и в частных резиденциях.

³⁷ Певица Валентина Пономарева (р. 1939) широкой публике больше всего известна как солистка цыганского трио «Ромэн» и исполнительница песен в фильме Эльдара Рязанова «Жестокий романс». Активно сотрудничала с джазовыми и роковыми музыкантами, в том числе с Сергеем Курёхиным и группой «Аквариум».

³⁸ Владимир Чекасин (1947) – саксофонист, композитор, один из ведущих музыкантов советского и постсоветского джазового авангарда. Участник знаменитого вильнюсского трио Ганелин—Тарасов—Чекасин. В 80-е годы активно сотрудничал с Сергеем Курёхиным и группой «Аквариум».

³⁹ Сергей Курёхин учился последовательно в Институте культуры им. Н. К. Крупской на дирижерском, фортепианном и оркестровом отделениях и на дирижерско-хоровом отделении музыкального училища им. Мусоргского. Ни то, ни другое учебное заведение он не закончил.

«Я очень высокого мнения о своих способностях», – сказал он мне однажды в интервью. Сергей знал, что он лучше многих других, но все равно относился ко всем нам с любовью.

Для меня он всегда был родной душой, особенно когда мы сидели тесно прижавшись друг к другу, как лучшие друзья. Для других он был «Капитан», но я всегда называла его «Папа» – за уверенность, эрудицию и авторитет и за то покровительство, которое он оказывал мне в моих поисках. Он был лидером не только своей безумной «Поп-Механики», но и нас всех: невероятной силы личность и острый взгляд пробуждали во всех вокруг неутолимый голод все новой и новой музыки, музыки, музыки.

«Джо», – как всегда, начал он как-то со своей неизменной улыбкой и таким же неизменным рыком. Оказалось, что рык означает приглашение мне в следующий приезд принять участие в «Поп-Механике». Я несколько раз выходила с ними на сцену, колотя по барабанам, подбивая бэк-вокал и прыгая, как сумасшедшая, в высоких военных сапогах и с ярко-красной губной помадой на лице. Находиться на одной сцене с ним было кайфом, не сравнимым ни с каким наркотиком. Это было как получить входной билет в самый разнузданный и крутой клуб на свете. В какой-то момент он вдруг поворачивается ко мне и говорит: «Спой-ка Turn Away». Это была одна из тех песен, что мы написали вместе. То, что получилось, с записанной мною студийной версией ничего общего не имело: он сильно замедлил темп и превратил песню в мощную, энергичную композицию, пронзительное слияние джаза, классики и рока. Я пела ее раза три-четыре на концертах «Поп-Механики», главным образом в рок-клубе и в последний раз в 1988 году в гигантском СКК⁴⁰. В глаза мне били разноцветные прожекторы, Сергей носился вокруг, как взмывший в небо воздушный шар, меня просто трясло от возбуждения. Ничего подобного я никогда в жизни не испытывала.

Дома я всегда ужасно боялась матери – ледяной красавицы, обладавшей при этом горячим нравом, способным в любой момент взорваться от проделок трех строптивых дочерей. В результате большую часть жизни я старалась не высовываться и вести себя по мере возможности послушно в надежде, что именно я стану объектом материнской щедрости и привязанности, пока на старшую сестру обрушиваются крики и проклятия, а Джуди тихо плачет под столом. Сергей пробудил во мне вкус к никогда прежде не испытанной и ничем не сдерживаемой свободе, и я наслаждалась тем безумством, которое он, как лесной пожар, распространял на весь андеграунд. Раз попав в этот круговорот, ты чувствовал, что не можешь и не хочешь из него выбраться, и я сломя голову ринулась в это неизведанное и ничем не скованное пространство, в которое нас зазывал Сергей с одной целью – показать, насколько большими и свободными мы можем в нем оказаться.

Одним из моих любимых представлений «Поп-Механики» в рок-клубе стало не то, в котором я пела, а то, в котором Сергей в полный рост продемонстрировал искусство художественного перформанса. Музыканты всех разнообразнейших стилей и видов музыки, художники, модели, мимы носились по сцене вместе с обделавшейся от страха лошадью и козлом, в обнимку с которым выплясывал свой безумный танец Африка, – в мини-юбке, с розовыми волосами и длинными серьгами. Сияние от него освещало весь зал. Сергей каким-то образом умудрялся руководить всем этим хаосом и превратить сборище резвящихся юродивых в цельную картину, сам при этом непринужденно разгуливая по сцене и чем дальше, тем более откровенно забавляясь происходящим. Происходящее было весьма характерным – Сергей и Африка беспрестанно испытывали систему на прочность, выявляли экспериментальным методом, как далеко они могут зайти в своих безумствах.

⁴⁰ Спортивно-концертный комплекс им. Ленина (ныне Спортивно-концертный комплекс «Петербургский») – крупнейшее спортивно-концертное сооружение Петербурга, построенное к Московским Олимпийским играм 1980 г.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.